

Владимир Гуркин

На берегах Русского Нила

Российская Академия наук
Институт истории естествознания и техники им С.И. Вавилова

Владимир Гуркин

На берегах Русского Нила

История изучения территории Симбирского Поволжья

Москва
2005

УДК 9 + 528.9
ББК 63.3
Г 95

Утверждено к печати Ученым советом
ИИЕТ РАН

Рецензенты: доктор географических наук О.А. Александровская;
доктор философских наук, профессор, И.И. Мочалов;
доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации А.В. Постников.

Гуркин В.А.

Г 95 На берегах Русского Нила. История изучения территории Симбирского Поволжья. — М., 2005.
— 248 с., илл.

ISBN 5-98866-004-5

В книге предпринята попытка составления свода географических и исторических свидетельств о территории Симбирского Поволжья, включая малоизвестные картографические материалы, начиная с древности и вплоть до 1920-х годов, когда имя Симбирск исчезает на географических картах. Проведена реконструкция основных этапов освоения Симбирского Поволжья в ходе русской колонизации, и представлен обзор основных групп исторических источников, позволяющих оценить методы сбора информации о территории края московским правительством. Рассмотрены сведения о территории, полученные иностранными путешественниками, участниками академических экспедиций, государственными и научными структурами. Особое место отведено анализу деятельности первых краеведческих организаций.

Исследование предназначено для широкого круга читателей.

Значительная часть исторических документов, использованных в этой работе, представлено на сайте: www.simbir-archeo.narod.ru «Древности Симбирского края». Отзывы и замечания о книге можно посылать автору по адресу: vgrk@mail.ru.

УДК 9+528.9
ББК 63.3

ISBN 5-98866-004-5

© Гуркин В.А., 2005.

Интересен анализ, проводившийся В.А. Ауновским, определенных групп статистических материалов. Так, он разбирает цифры «движения населения», пишет о высокой смертности населения (в 1867 году на 100 рождений приходилось 77 смертей, при этом до года умирало почти половина детей — 42, 4 %): «... в настоящее время научные исследования показывают, что здоровье и продолжительность жизни находятся в точном и прямом отношении к жизненным условиям нашим... везде, где существуют большие скопления народонаселения, недостаток в материальных средствах и усиленный труд, условия для продолжительности жизни бывают всего неблагоприятнее...»⁶³. Затем он переходит к анализу социальных и климатических факторов влияющих на здоровье жителей Симбирского края, где прямо указывает на распространение «перемежающейся лихорадки» (малярии) в весенний период в низменных местах, по большей части больших рек; на связь распространенных в этих местах болезни печени с особенностями климата нагорной стороны Волги и т.д.

Интересны и цифры, приводимые в этих статистических сборниках, позволяющие сопоставить социальные перемены за эти полтора столетия. Так, оценивая «степень плодородия браков», Ауновский показывает, что на 1 брак приходится 5,5 родившихся, что среди распределения сословий по доле преступников выясняется, что на втором месте стоят военные (городские обыватели 1 к 37, военные 1 к 82, дворяне 1 к 139, сельские жители 1 к 264, и духовного звания 1 к 443), высокий процент среди военных автор объясняет следующим образом: «... это тесно связано с незавидным положением солдата, отвыкнув от земледельческих работ, не знакомы ни с одним из ремесел, и если к тому же он бездомен; то в приобретении средств к существованию, он без сомнения недалек от пути порока»⁶⁴, в связи с этим Ауновский возлагает определенные надежды на военную реформу 1867 года, сокращающую срок службы и позволяющую сохранять гражданские и поземельные права солдату.

Для нас важен еще один момент в работе Ауновского на должности секретаря СГСК — 9 июля 1868 года он предлагает проект создания в Симбирске губернского музея, который «должен служить не только средством для образования людей любознательных, в особенности юношества, но и пицей для научного исследования историка, ботаника, минералога, этнографа и др.». К сожалению, проект тогда так и не был осуществлен, по обычной причине — «за отсутствием средств».

Симбирская губернская ученая архивная комиссия и исследования края

Как уже отмечалось, различные исследователи обращали внимание на необходимость тщательного сохранения и обработки исторических документов. Как видно из устава Карамзинской библиотеки, одной из главных задач при ее создании было хранение старинных рукописей и других архивных материалов. Однако одной библиотеки даже в рамках губернии было далеко недостаточно. Одним из первых, кто понял, что для решения проблемы эффективной сохранности древних текстов следует создавать целую систему научной архивной службы в регионах, был известный археограф академик Николай Васильевич Калачов (1819 — 1885).

В 1869 году он выступил на I археологическом съезде с предложением об усовершенствовании архивной деятельности. Тогда же было высказано пожелание о создании архивов во всех крупных российских городах. На реализацию этой идеи Качалову понадобилось 15 лет⁶⁵. В течение этого времени он неустанно обращался и к правительству, и к научной общественности, предпринял ряд поездок по зарубежным архивам, с тем, чтобы перенять там лучшие способы организации архивного дела. Выступая в 1874 году на III археологическом съезде в Киеве, он высказал идею создания при областных архивах исторических обществ, которые должны были не только решать собственно архи-

вные задачи, но и готовить молодых людей «приготавливающим себя к историко-археографической деятельности»⁶⁶. Таким образом, было обозначено одно из важнейших условий стабильного развития научного сообщества в провинции, через превращение будущих архивов в научную школу.

В 1877 году, выступая на IV археологическом съезде в Казани, он сообщил что «в среде некоторых любителей архивного дела возникла мысль образовать под высшим наблюдением министра народного просвещения частное, но с официальным характером учреждение, в котором любители старины, получившие высшее образование, могли бы совершенствовать свои познания по части археологии и затем, снабженные аттестатами, получать места в разных архивах. Это учреждение будет называться Археологическим институтом»⁶⁷. Таким образом, предвзяв создание архивных обществ на местах, Калачов, смог добиться создания координационного центра в виде Археологического института. При этом он не оставляет надежду на организацию ученых центральных архивов и научных обществ в главных провинциальных городах, по европейскому образцу, где «при содействии уже опытных и любящих свое дело архивистов, исторические материалы подвергнуться той тщательной разработке, которая вполне возможна и мыслима лишь на самых местах, где происходили события»⁶⁸.

Значение будущих научных архивных центров Калачов видел не только в обработке документов, но главным образом в воздействии на просвещение провинциального общества: «Дело в том, что изыскатели старины, работая на той же почве, которую возделывает земледelec, объясняя тот же памятник, мимо которого столько раз проезжает и пахарь, и прасол, и всякий другой местный житель, выслушивая их легенды, былины и песни, этим самым с одной стороны, развивают в народе дремлющие без того нравственные его силы и сочувствие к минувшему быту, а с другой стороны, возбуждают и укрепляют в нем любовь, которая хотя и без того есть в каждом к своему родному пепелищу, но любовь эта делается чрез то и сознательнее и сильнее. (...) Это воспитание конечно чрезвычайно медленное, но верное и прочное»⁶⁹.

Научная общественность неизменно поддерживала все предложения Н.В. Калачова, и в 1884 году все-таки было получено высочайшее разрешение открыть архивные комиссии в Тверской, Тамбовской, Орловской и Рязанской губерниях. Вместе с тем, было предоставлено право открывать такие же комиссии и в других губерниях. Вскоре и в других губерниях стали образовываться архивные комиссии и другие научные сообщества. В этом отношении роль археологических съездов, как катализаторов социальных перемен, была достаточно велика. Как писал Уваров: «Сознание важнейшего назначения археологических съездов — возбуждать в деятельности местные силы и подвигать изучение местных историко-археологических вопросов...»⁷⁰. Так в Казани в 1884 году образуется Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. При открытии Общества выступил профессор Шпилевский, который в частности указал, что двери этого научного объединения открыты для всех желающих: «Наше Общество — ученое братство, в которое вступают все без различия чинов, званий, народностей и вероисповеданий, в котором все пользуются одинаковыми правами. Для вступления в нашу среду требуется только доказательство желания и способности трудиться. (...) Успехи нашего будущего в значительной степени зависят от всего местного общества, разумея последнее в самом широком смысле. При полном равнодушии к нашим целям и работам. При совершенном отсутствии поддержки в вышеуказанном смысле. Наше ученое братство, замкнувшись в немногочисленном составе лиц, бедное материалами и средствами для ученого труда. Не может быть ни производительным, ни долговечным. Да, господа представители местного общества, мы зависим от Вас! Ваше внимание, сочувствие и помощь нам необходимы!»⁷¹.

Статус губернских архивных комиссий в системе научно-исторических обществ и учреждений был своеобразным. «Основания», на которых была построена деятельность комиссии, состояли из восьми пунктов. Первый из них гласил, что комиссии создаются для «сосредоточения и вечного хранения архивных дел и документов, не требующихся для текущего делопроизводства, но более или менее

важных в историческом отношении». Задачей комиссии ставилось собирание и приведение в порядок означенных архивных документов. В пункте пятом их обязанности раскрывались подробнее: а) разбор дел и документов, предназначенных в губернских и уездных архивах разных ведомств к уничтожению для выделения из их числа тех, которые представляют научный интерес и подлежат передаче в исторический архив; б) составление таковым документам и делам надлежащих описей и указателей; в) расположение их в таком порядке, чтобы они были доступны для научных занятий. В правилах оговаривалось, что архивные комиссии создаются по взаимному соглашению директора Археологического института и губернатора «как из служащих, так и не состоящих на службе в губернии лиц, могущих быть полезными комиссии своими познаниями и усердием к делу». Губернатор являлся непременным попечителем губернской ученой архивной комиссии. Ежегодные отчеты о своей деятельности комиссии должны были представлять в Петербург в Археологический институт. Институт информировал об их работе Императорскую Академию наук. Расходы на содержание комиссий выделялись из средств Археологического института и «местных пожертвований на пользу науки». В финансировании деятельности комиссий участвовали губернские и уездные земские организации. Принимались пожертвования отдельных лиц. Частые финансовые затруднения привели позднее к тому, что собрания ряда комиссий в начале XX в. приняли решение о ежегодной уплате членских взносов действительными членами архивных комиссий. От уплаты освобождались почетные члены и члены-корреспонденты.

Некоторые права на инициативную работу комиссий предоставлял пункт седьмой. В нем оговаривалось, что архивные комиссии, «независимо от прямой своей обязанности, могут, по местным обстоятельствам, включить в круг своих занятий разыскание, описание и объяснение всяких других памятников старины». Благодаря деятельности комиссий были сохранены, разобраны, опубликованы десятки тысяч исторических документов, многие из которых потом погибли и дошли до нас только в виде публикаций. Как писал автор статьи, посвященной 25-летию Археологического Института: «Комиссии эти беспримерные даже в целом мире ученые учреждения, возникшие по частной инициативе и на частные средства, число которых теперь простирается уже до 20, не только в большинстве случаев с успехом выполнили своим главные обязанности, но и обратились в местные историко-археологические общества, труды которых давно обратили на себя внимание ученых и исследователей нашей родной старины...»⁷². Но этим далеко не исчерпывалась их деятельность. Архивные комиссии явились инициаторами создания краеведческих и художественных музеев в различных уголках страны, подготовили не одно поколение опытных архивистов и археографов, археологов и искусствоведов, историков и краеведов.

Характеризуя деятельность губернских ученых архивных комиссий России, исследователи прошлого и наши советские ученые, как правило, делали акцент на слове «архивные». Однако сами деятели губернских ученых архивных комиссий особо выделяли слово «ученые». Так, например, в 1895 г. на открытии Симбирской ГУАК ее председатель В.Н. Поливанов назвал комиссию учреждением, «преследующим научные цели», и, говоря о важности архивной работы, поставил задачу перехода к более высокой форме деятельности — «занятиям научным».

Можно попытаться обозначить главные отличия губернских ученых архивных комиссий от иных научных организаций в провинции:

1. Высокая планка научных требований, ориентация на мировой уровень научных исследований, в отличие от иных региональных научных организаций⁷³, а также от последующих краеведческих организаций.
2. Тесные связи с иными архивными комиссиями и с ведущими научными организациями по всем регионам России, а также за рубежом.
3. Относительная финансовая независимость от государства (согласно общественному характеру комиссий, что, впрочем, не мешало широкому поиску финансовых источников не только среди общественности, но и у государственных организаций).

4. Добровольное объединение участников комиссий на основе их личных интересов, а не как выполнение директивы сверху.
5. Широкая активность в сфере книгоиздательства.
6. Активная работа по преобразованию культурной среды города, что ставит их в один ряд со всеми просветительскими сообществами.
7. Оригинальность и уникальность предмета исследования.
8. Высокий общий образовательный уровень большинства членов губернских ученых архивных комиссий.
9. Возможность использовать межрегиональные контакты для повышения квалификации (курсы, регулярные съезды и т.п.).
10. Создание базы для деятельности дальнейших поколений, и тем самым, включение губернских ученых архивных комиссий в культурно-образовательный процесс в провинции.

Деятельность комиссий проходила параллельно активизации краеведения в среднем образовании. Это вылилось, в частности в развитие «экскурсионного движения», широко развитого по всей стране на рубеже XIX — XX веков, где главной задачей являлось преодоление недостатков кабинетной системы образования, оторванной от реальной жизни⁷⁴.

Следует отметить еще одну черту деятельности этих научных сообществ — их высокий нравственный потенциал. Стремление пробудить в народе чувство «умного хозяина» во многом обуславливало занятия членов ученых архивных комиссий просветительской деятельностью. Показательными в этом отношении могут служить слова замечательного рязанского краеведа, бессменного председателя Рязанской губернской ученой архивной комиссии (с 1905 по 1918 г.) Степана Дмитриевича Яхонтова: «Русские люди! Много нам работы впереди. Широко поле исторической науки перед нами ... Потрудитесь с нами и после нас, родненькие!»⁷⁵.

Наглядным выражением деятельности Симбирской архивной комиссии служат изданные ею многочисленные труды ее членов, составляющие обширный материал, затрагивающий всесторонне историю и археологию Симбирской губернии⁷⁶. В этом отношении ближе всего знакомят с деятельностью комиссии журналы ее заседаний. Эти журналы заключают в себе не только сухое перечисление фактов, но почти в каждом из них можно найти очерки и сообщения о достопримечательностях и исторических лицах Симбирского края. Большой интерес представляют очерки, составленные председателем комиссии Владимиром Николаевичем Поливановым: о симбирских масонах (журнал 2-го заседания); памяти Александра Ивановича Тургенева, симбирского уроженца, по поводу исполнившегося 3 декабря 1895 года пятидесятилетия со дня его кончины (журнал 4-го заседания); о поездке в мордовское село Сабанчеево Алатырского уезда, с целью исследования местонахождения предметов бронзовой эпохи (журнал 7-го заседания); о поездке в село Языково Симбирского уезда, бывшую вотчину поэта Н. М. Языкова (журнал 8-го заседания); о десятом археологическом съезде в г. Риге, бывшем в августе 1896 г. (там же); Курмышская старина (журнал 13-го заседания); по поводу исполнившегося в 1898 году двадцатилетия ученой деятельности археологического института (журнал 15-го заседания); очерк казацкой колонизации в Симбирском Поволжье, бывший предметом доклада на 12 археологическом съезде в г. Харькове, в 1902 году (журнал 32 заседания); к воспоминаниям о Н. М. Карамзине (журнал 34 заседания). Кроме этого он подготовил и редактировал, совместно с членом комиссии, В. Э. Красовским, два тома Материалов исторических и юридических района бывшего приказа Казанского дворца. (Т. II — III), опубликовал ряд интересных материалов по археологии, составил первую археологическую карту Симбирской губернии⁷⁷.

Поливанов был яркой и многосторонней личностью, оставивший заметный след в организации исследований старины и не только⁷⁸. Вот эпиграмма, написанная кем-то друзей Владимира Николаевича на его визитной карточке:

«Кто возьмет такую миссию
Чтоб Сизифа труд нести
Чтоб архивную Комиссию
Вперед правильно вести:

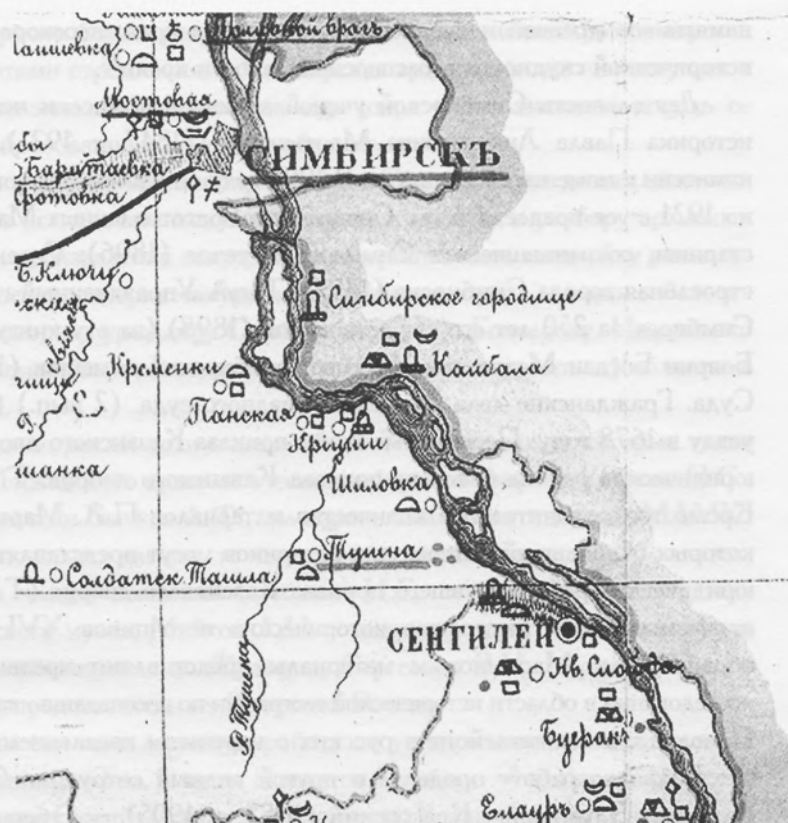
В ней прогресса жажда явится,
Ей энергия нужна, —
Между тем назад все пятиться
В глубь веков она должна!

Председатель всеми силами
Ее двинуть был бы рад,
Да сам возится с могилами,
Или ищет древний клад»⁷⁹.

Он много и увлеченно занимался археологией, выступив уже в 1877 году на археологическом съезде в Казани с докладом «О Майнском городище в Спасском уезде Казанской губернии на реках Майна и Утка». Сегодня это городище является одним из любимых мест работ отрядов самарских археологов под руководством Г.И.

Матвеевой. Однако наиболее заметным и законченным его вкладом в археологию Симбирского края являются раскопки Муранского могильника⁸⁰ (село Муранка расположено на реке Усе в Самарской области). В этих исследованиях принимал участие член французского общества археологии барон де Бай (de Boye), сделавший доклад о результатах раскопок на конгрессе ориенталистов в Женеве в 1894 году и в журнале *Revue Archeologique*. А.В. Вискалин так описывает проведение этих раскопок: «Только за первый полевой сезон на могильнике вскрывается 324 могилы, из которых добыто 1400 предметов, исключая бусы. Крупномасштабные раскопки ведутся с привлечением 280 рабочих, нанятых на средства Удельной конторы, в соответствии с принятыми в то время методическими рекомендациями. И не удивительно, что уже в 1890 году результаты раскопок привлекают внимание участников 8-го археологического съезда, в том числе и присутствовавшего на нем знаменитого французского археолога де Бая. В 1892 году выставка предметов из могильника демонстрируется в Москве перед участниками Международного конгресса антропологов, этнографов и археологов»⁸¹.

Поливанов фактически создал первую археологическую школу на базе архивной комиссии. В последующие годы членами СГУАК производились археологические раскопки: близ села Сабанчеева, в Алатырском уезде; у села Кайбелы, Ставропольского уезда, на месте древнего Синбирского городища; близ села Криуши, Симбирского уезда, на месте древнего города Арбухима; на берегу реки Суры, у села Коржевка, Карсунского уезда; на Воложке близ деревни Палицыной Ставропольского уезда; на берегу р. Волги возле села Хрящевки, Самарской губернии; двукратные дополнительные раскопки Муранского могильника и раскопки в Болгарах. Все материалы этих исследований позволили уточнить местонахождение легендарных золотоордынских городов Симбира и Арбухима, а также пролить свет на вопросы этногенеза народов, населявших Симбирское Поволжье в средневековье: «в результате целенаправленных и методичных научных поисков происходит открытие целого пласта неизвестных ранее

Фрагмент археологической карты В.Н. Поливанова

памятников древней и средневековой истории края, переворачивающее бытующие представления об исторической скудности и бесперспективности края»⁸².

Деятельность Симбирской ученой архивной комиссии невозможно представить без архивиста и историка Павла Любимовича Мартынова⁸³ (1847 — 1921), который активно включился в работу комиссии с момента ее открытия. В 1904 году он избирается товарищем председателя СГУАК, а с 1917 по 1921 — ее председателем. Среди книг, подготовленных Мартыновым, наиболее значимы: Остатки старины, сохранившиеся в Симбирском уезде (1896); Селения Симбирского уезда (1896); Книга строельная города Симбирска (1897); Тагай. Упраздненный город Симбирского уезда (1898); Город Симбирск за 250 лет его существования (1898) (за эту книгу он был награжден золотым жетоном); Боярин Богдан Матвеевич Хитрово, симбирский помещик (1900); Архив Симбирского Окружного Суда. Гражданские дела Буинского уездного суда. (2 вып.) (1901); Опись городу Симбирску и его уезду в 1678 году: Переписные книги приказа Казанского дворца (1902); Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Т. IV — Т. VI. Симбирск, 1904 — 1912. Кроме того, значительное количество материалов П.Л. Мартынова осталось в рукописном виде, из которых наибольший интерес для историков могут представлять два тома Материалов исторических и юридических района бывшего приказа Казанского дворца (Т. VIII — IX). Следует подчеркнуть, что в связи с общей скудостью исторических источников XVI — XVII вв. в регионе, найденные и обработанные Мартыновым материалы представляют чрезвычайную значимость для современных исследований в области исторической географии по воссозданию картины русской колонизации Симбирского Поволжья и взаимодействия русских с коренным населением этого края.

Большую работу проделал и другой видный сотрудник Симбирской ученой архивной комиссии Валентин Эдуардович Красовский (1852 — 1905) — губернский секретарь, гласный Симбирского уездного земства, подготовивший исторические очерки уездных городов Симбирской губернии: Алатырская старина: Путевые заметки по археологии и истории алатырского края (1899); Столетие города Сенгилея: Краткий исторический очерк (1902); 350-летие города Алатыря: Краткий исторический очерк (1902); Прошлое города Корсуна: Краткий исторический очерк (1903). Кроме этого он подготовил фундаментальный труд: Хронологический перечень событий Симбирской губернии, с 1372 года по 1901 год (1901)⁸⁴. Он также принимал активное участие в составлении и редактировании двух томов Материалов исторических и юридических района бывшего Приказа Казанского Дворца, Материалов по истории Симбирского края XVII — XVIII вв., собранных Зерцаловым А.Н. (1900). За общественную деятельность Красовский был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени.

Из заметных трудов других членов архивной комиссии были изданы книга Суперанского М.Ф. Симбирск и его прошлое (1648 — 1898). Исторический очерк (1898); Виноградова Ф.В. Следы язычества в домашнем обиходе чуваш (1897); Сапожникова Д.И. Сожжение в Симбирске еретика Ярова (1898); а также работы многих других авторов.

Обращает на себя внимание успешное сотрудничество архивной комиссии с московскими историками-архивистами, результатом чего было издание следующих уникальных архивных материалов XVII — XVIII вв., хранившихся в Московском архиве Министерства юстиции (МамЮ). В результате были изданы в Симбирске работы А.Н. Зерцалова: Приходо-расходная книга Симбирской Приказной Избы 1665 — 1667 г.г.; Краткий историко-географический очерк Симбирска, Сызрани и Кашпира, во второй половине 18-го века; Материалы по истории Симбирского края XVII — XVIII вв.; а также важная для истории края работа В.И. Холмогорова — Материалы для истории Симбирского края до второй половины XVIII века: Описание Симбирской и Карсунской десятиин Патриаршей области.

После первых 10 лет работы архивной комиссии выходит обзор (под ред. П.Л. Мартынова) в котором говорится: «Из настоящего краткого обзора десятилетней деятельности Симбирской архивной комиссии видно, что избранный ею путь, заключающийся в возможно большем сближении ее интересов

с интересами народного просвещения, принес блажие результаты; связь с ее населением, которому она служит, была живая и неразрывная. С этими стремлениями Симбирская архивная комиссия вступает в новое десятилетие, уверенная, что деятельность ее разовьется еще шире и что значение и цель ее существования будут вполне оценены образованным местным обществом»⁸⁵.

Действительно, во многом надежды членов комиссии оправдались. За следующее десятилетие они не только смогли продолжать обширную исследовательскую работу по изучению и разбору архивных документов, археологических памятников, произведений искусства, но и организовать постройку уникального здания, явившегося безусловным шедевром архитектуры и украшением города, здания собственного музея, который был задуман как мемориал уроженцу Симбирска — И.А. Гончарову. Именно это здание послужило местом, где впоследствии были развернуты (и продолжают находиться) областные художественный и краеведческие музеи.

Количество членов комиссии неуклонно росло, если вначале было 74 члена, среди которых такие знаменитые ученые, как председатель Московского археологического общества графиня Уварова П.С., директор Императорской публичной библиотеки Бычков А.Ф., помощник начальника отделения МАМЮ Зерцалов А.И. и др., всего 12 человек почетных членов, то через год в составе комиссии 121 человек, среди которых пятеро новых почетных членов комиссии (Забелин И.Е. — товарищ Председателя Императорского Российского исторического музея, Майков Л.Н. — вице-президент Академии Наук, Рамбо Альфред — министр народного просвещения во Франции, Сергеевич В.И. — ректор Санкт-Петербургского университета), а также, представители из 9 городов России.

Как уже отмечалось, архивные комиссии вели активную работу по установлению тесных научных контактов с другими научными объединениями. Так, в числе адресатов Симбирской архивной комиссии в переписке за 1897 — 1903 годы мы видим Оренбургскую, Саратовскую, Владимирскую, Пензенскую ученые архивные комиссии; Русское Географическое Общество; Петербургскую Академию Наук; Воронежский губернский музей Статистического комитета; Историко-филологический институт в Нежине; Петровское общество исследования Астраханского края; Московский архив Министерства юстиции; Общество археологии, истории и этнографии Казанского университета; Калужское церковно-археологическое общество; Московское археологическое общество. Есть письма и к отдельным известным ученым и коллекционерам.

Однако развитие таких провинциальных «университетов» продолжалось недолго. Первые признаки надвигающейся грозы проявились еще на рубеже XIX и XX столетий. В это время вновь начинают преобладать центристские тенденции, носителем которых явился другой известный архивист Д.Я. Самоквасов, директор Московского архива Министерства юстиции (ныне в составе РГАДА) в 1891 — 1911 годах. Самоквасов предлагал закрыть все местные ученые архивные комиссии (под предлогом их невысокого научного уровня, низкого материального содержания), а все собранные на местах материалы — передать в центральные научные учреждения⁸⁶. Эти предложения получили резкие возражения, прозвучавшие с мест. В частности, по инициативе председателя Тамбовской ученой архивной комиссии во всех остальных архивных комиссиях прошло обсуждение книги Самоквасова «Архивное дело в России».

Вот несколько фрагментов из обсуждения этого вопроса членами Симбирской ученой архивной комиссии: «Касаясь личного состава комиссий, профессор Самоквасов «просматривая списки, напечатанные в приложениях к отчетам некоторых комиссий», находит, что большинство их членов состоит из бывших гимназистов и семинаристов, из учителей народных школ, офицеров, помещиков, купцов, мещан, книгопродавцев, торговцев древностями, низших чиновников местных учреждений без университетского образования. Интересно бы знать, каким способом г. Самоквасов вывел подобное заключение? Во всяком случае, по отношению к составу Симбирской Архивной Комиссии предположение его оказывается голословным: по отчету этой Комиссии за 1901 г. из общего числа 166 членов с высшим образованием насчитывается 127. При этом необходимо иметь в виду, что комиссии кроме разбора

архивов трудятся над собиранием предметов старины и книг для своих специальных библиотек, а также издают материалы по истории и археологии края. В этих-то целях участие лиц, лишенных, почему-либо высшего образования, но расположенных оказывать денежную или иную помощь, является часто не менее полезным, чем участие лиц с университетским образованием. Возлагая большие надежды на «ученых архивистов»-чиновников, г. Самоквасов вовсе устраняет один из самых могучих двигателей интеллигентного труда — любовь к делу. Он забывает, что архивоведение — не наука в строгом смысле слова, и что так называемая «казенщина» является одною из самых несимпатичных сторон многих наших учреждений. Говоря о «разрушении архивных фондов», автор свои обвинения по адресу комиссий основывает на таком весьма сомнительном факте, как корреспонденция газеты «Новое Время». Иронизируя над членами архивных комиссий, автор часто подчеркивает слово «ученый» сомневаясь в их компетенции по разбору архивов. С другой стороны, сам же свидетельствует, что ныне «разборка архивов считается в наших присутственных местах машинальною, неважною работою, а потому сортировка дел поручается малограмотным чиновникам»... Столь же странным является и следующий прием г. Самоквасова. Приводя на стр. 106 подлинный протокол специальной комиссии Археографической секции XI Археологического Съезда, которая одобрила проект оснований архивной реформы в России, составленный автором, он почему-то опустил дополнение к этому проекту. Дополнение же это весьма существенного свойства: оно говорит за сохранение за архивными комиссиями главного их назначения — рассмотрения дел и хранения их в исторических архивах. Текст его таков: «Губернские ученые архивные комиссии для хранения своих исторических архивов пользуются особым помещением в здании губернского центрального архива, и для научных своих работ и издания исторических документов получают от правительства особую необходимую субсидию. Ходатайствовать перед правительством об оказании существующим губернским архивным комиссиям пособия в размере до 1500 руб. ежегодно, в виду того, что губернские архивные комиссии являются пока единственными учреждениями, на которые возложена правительством обязанность охраны и собирания древностей как письменных, так и предметных, и на которые в будущем будет возложена важная задача при организации архивного дела в России. Дополнение это подписал в числе других и сам г. Самоквасов»⁸⁷.

Самоквасов упрекал архивные комиссии в том, что они якобы ведут почти нищенское существование, что зачастую у них нет даже своего здания, приспособленного для хранения архивных дел и т.д. Анализ финансовой стороны дела Симбирской ученой архивной комиссии показывает, что дела обстояли не плохо, что послужило одним из пунктов коллективного ответа Самоквасову: «... говоря о материальной бедности комиссий автор приводит годовые бюджеты (200 — 600 руб.) наименее обеспеченных из них, умалчивая об остальных. Между тем, СГУАК в своем отчете за прошлый год (1901 г.) показала на приход 2354 руб. Другие комиссии располагают и более значительными бюджетами»⁸⁸.

Действительно, если мы посмотрим на финансовые отчеты комиссии, то в 1896 году (за первый год) приход составлял 649 руб., а расход — 341 руб. 12 коп., а через двадцать лет оборот достигал следующих показателей:

1914 г.	Приход 2254,19 руб.	Расход 1171, 24 руб.
1915 г.	Приход 2330,28 руб.	Расход 1361, 24 руб.
1916 г.	Приход 2920,19 руб.	Расход 1160, 21 руб.

На строительство здания музея комиссией были собраны значительные средства по всероссийской подписке. Поэтому удалось в сжатые сроки провести и конкурс архитектурных проектов и построить само здание, несмотря на то, что уже начиналась первая мировая война. Таким образом, материальное положение архивной комиссии в Симбирске было достаточным для успешной реализации своих научных, издательских и даже строительных проектов.

С критикой самоквасовского проекта выступили наряду с местными исследователями также и ведущие историки страны. Несмотря на то, что инициатива Самоквасова не была поддержана архиви-

стами страны до революции, сторонники этого проекта смогли реализовать его с помощью Советской власти (1 июня 1918 года Совет Народных Комиссаров принял декрет «о централизации архивного дела»)⁸⁹. Однако главной причиной прекращения работы СГУАК оказалось не появление этого декрета, а прекращение финансирования ее деятельности со стороны власти, и настойчивые попытки превратить эту общественную организацию в часть государственного архивного управления. Рассмотрим, как это происходило в Симбирске.

Несмотря на тяжести гражданской войны Симбирская ученая архивная комиссия продолжала свою работу вплоть до 1922 года (ряд других ученых архивных комиссий также продолжал действовать до 1923 года⁹⁰). Так, летом 1918 г. выступал перед членами архивной комиссии сотрудник Пушкинского Дома А.С. Поляков⁹¹. Он предлагал издать подготовленный им словарь замечательных симбирян (художников, поэтов, общественных деятелей), состоящий более чем из 800 имен (!), информация о которых была собрана Поляковым в ходе анализа неофициальной части Симбирских губернских ведомостей (СГВ), а также он подготовил библиографическое описание этой части СГВ за 75 лет (с момента основания). Однако эти предложения так и не были реализованы, несмотря на всю их привлекательность для симбирского краеведения. Безусловно, если бы Поляков предложил эти работы несколькими годами раньше — они были бы изданы, но в 1918 году Симбирская ученая архивная комиссия уже испытывала колоссальные трудности.

Нужно иметь в виду, что многие из симбирян выехали в августе — сентябре 1918 года вместе с отступавшими белочехами и войсками Комуча, покинув Симбирск навсегда и составив впоследствии довольно большую диаспору симбирян среди русских эмигрантов Харбина, Шанхая и других городов зарубежья⁹². Среди эмигрантов было много тех, кто входил в состав губернской ученой архивной комиссии. Таким образом, состав комиссии оказался существенно обескровлен после событий 1918 года.

К этому добавился целый ряд проблем, о которых, повествует Мартынов в своем отчете «О работе Симбирской Губернской ученой Архивной Комиссии за 1917 и 1918 гг.», среди которых немаловажным было то, что прекратилось финансирование комиссии со стороны центральных и местных административных структур. Приведем фрагмент отчета Председателя СГУАК:

«Деятельность Симбирской Губернской ученой Архивной Комиссии за последние два года, по причинам, обусловленным обстоятельствами военного времени и политическими событиями внутренней жизни страны, не может считаться продуктивным в отношении научных трудов. Главная забота Комиссии была — перенести музей и библиотеку, из временного, очень плохого помещения, в построенный ею, именно для этой цели дом, в память И.А. Гончарова, но эта забота не имела желательного результата, т.к. с осени 1915 года Гончаровский дом взят был под помещение военного лазарета. В конце 1917-го года лазарет был расформирован и Комиссия, получила, по-видимому, возможность пользоваться зданием и произвести необходимый ремонт, но это оказалось невозможным, так как Гончаровский дом, без ведома и предупреждения Архивной Комиссии, занят был под казарменное помещение красной армии; затем, летом 1918 года в нем помещался отряд чехословаков, а с сентября месяца — опять красная армия. Таким образом Гончаровский дом, построенный на деньги, собранные по всероссийской подписке, специально для музея и библиотеки, внутри художественно отделан двойным светом и стеклянными потолками, обращен был первоначально в лазарет, а затем в военную казарму и в течении трех лет не мог поступить в пользование Архивной Комиссии. Так обстояло дело до октября минувшего года, когда нынешний состав Губернского отдела по народному образованию, в целях организации Народного Музея, решил собрать воедино все находящиеся в городе Симбирске музеи и поместить их в Гончаровском доме, который заботами того же Отдела, освобожден от военного постоя и в нем произведен капитальный ремонт, до сих пор еще не оконченный собственно потому, что совместно с музеем, решено устроить в Гончаровском же доме, физический и химический кабинеты, с лабораториями при них и обширную аудиторию для пролетарского университета, почему для музея и

библиотеки Архивной Комиссии, составляющих особый археологический отдел Народного Музея, отведено далеко не достаточное помещение, а для единого архивного фонда здесь вовсе нет помещения.

Относительно денежных средств, необходимых для продолжения и развития работ Архивной Комиссии, следует заметить, что прежде поступавшие субсидии от земств и городских общественных управлений прекратились и Архивная Комиссия производила, последнее время, расходы исключительно из остатков капитала, собранного по подписке на постройку Гончаровского дома, а этот остаток, к 1 января 1919 года, едва ли превысит полторы тысячи рублей; между тем нормальных расходов, как показывает прилагаемая при сем смета на 1-ое полугодие 1919 года, потребует в год более 38000 рублей. Кроме того, на Архивной Комиссии тяготеют долги: а) в типографию Токарева, за печатание, в течение многих лет, изданий Комиссии — 7000 рублей и б) в Симбирский Городской Общественный Банк долг под залог Гончаровского дома — 20000 рублей. Помянутая выше смета на 1-ое полугодие 1919 года передана в местный отдел по народному образованию, согласно его о том просьбы, и будет представлена им, со своим заключением, в Народный Комиссариат по просвещению. По этому поводу следует заметить, что до сих пор Архивная Комиссия получала субсидии безвозмездно, безвозвратно и расходовала их бесконтрольно перед жертвователями, а казначей, выбираемый из среды членов Комиссии, отчитывался только перед общим собранием; если же теперь Архивной Комиссии придется отчитываться перед Главным Управлением Архивным делом или перед местным Отделом по народному образованию, по всем тонкостям бухгалтерии им на том основании существующих кассовых правил, то можно ли рассчитывать на то, что кто либо из членов Комиссии взял бы на себя такие обязанности. Посему желательно, чтобы суммы, указанные в смете были выданы Архивной Комиссии в виде безвозвратной субсидии.

Что же касается до организации единого архивного фонда, то местный Отдел по народному образованию, получив в ноябре месяце прошлого года декрет от 1-го июня о реорганизации и централизации архивного дела и не уведомив об этом Архивную Комиссию, принял на себя инициативу в этом деле, поручил одному из своих сотрудников произвести предварительное обследование находящихся в г. Симбирске архивов и краткие сведения о результатах этого обследования сообщил Архивной Комиссии только 27/14 декабря и то лишь по моей просьбе, при чем присовокупил, что относительно работы по приведению отдельных архивов в такой вид, при котором они могут служить для научной разработки, а равно при выделении из состава их тех дел, которые не представляют научного интереса, то только в этой стадии работы Отдел народного образования рассчитывает на теснейшее сотрудничество Архивной Комиссии, как научного общества, призванного к ученой разработке местных архивов. Таким образом, в деле организации архивного фонда местный Отдел народного образования считает Архивную Комиссию не самостоятельным и даже не совместным с ним работником. А лишь экспертом по некоторым дальнейшим вопросам, требующим ученой разработки. Между тем по точному смыслу циркулярного предложения Главного Управления Архивным делом от 27 августа/5 декабря 1918 г. за № 1167/3918 Архивная Комиссия является в данном деле вполне самостоятельной, а местный Отдел по народному образованию оказывает ей лишь содействие. Вообще вопрос об отношениях Архивных комиссий к местным Отделам по народному образованию совершенно не затронут ни декретом от 1-го июня, ни циркуляром Главного Управления Архивным делом, между тем, в интересах дела, это представляется крайне необходимым. Симбирская Губернская ученая Архивная Комиссия ожидает от Главного Управления Архивным делом точных и ясных указаний по означенному вопросу»⁹³.

Последний председатель Симбирской ученой архивной комиссии, известный коллекционер Жиркевич, живший в Симбирске с 1914 г., так охарактеризовал сложившуюся ситуацию в своем очерке: «30 июля 1920 года Комиссия могла бы праздновать свой 25-летний юбилей, если бы не война и не наступившие в России смутное время (...) если бы торжественный юбилей состоялся, если бы оно протекало при нормальных условиях... то Комиссии было бы о чем рассказать не только Симбирску,

но и научным учреждениям Отечества, о своей 25-летней неустанной, плодотворной работе во славу науки, на благо охраны и спасения родной старины (...) ... в 1919 г. окончательно выяснили вопрос о материальных средствах СУАК. Еще в декабре 1918 г. было получено сообщение об организации Главного Управления Архивным Фондом (ГУАФ) при Народном Комиссариате по просвещению (в Петрограде) ... (местные представители ГУАФ даже предложили составить смету СУАК для поддержания ее деятельности, но), в августе прибыл в Симбирск из Москвы инспектор ГУАФ, и категорически заявил, что комиссия не может рассчитывать на получение какой-либо субсидии на расходы по продолжению и развитию своей деятельности ни от ГУАФ, ни от местных отделов по народному образованию, а должна сама изыскивать средства... На какие же «собственные средства» может рассчитывать архивная комиссия при общем равнодушии в Симбирске к ее существованию, при все возрастающей дороговизне жизни, при почти полном отсутствии научных сил...? Архивной комиссии остается лишь ждать последнего удара судьбы, который покончит ее жалкое, вынужденное на бездеятельность прозябание. Тем не менее, и в таком трудном критическом положении Комиссия остается верна себе и старается парализовать попытки посягнуть на ее научные сокровищницы: музей, библиотеку и архив. (...) На этом и приходится оборвать настоящий очерк о научном учреждении, которое при других обстоятельствах даже в наше смутное время, могло бы приносить еще пользу. Скажу даже более, что при нынешних усилиях Советской власти спасти от гибели остатки старины в России, именно и нужны такие культурно-научные провинциальные учреждения как Симбирская ученая архивная комиссия, у которой имеется и славное продуктивное прошлое, и традиции научного характера, и основательное знание местной старины, а также тех условий в которых последняя находится...

Симбирск, 8 апреля 1921 г. А.В. Жиркевич»⁹⁴.

Несмотря на все вышеуказанные сложности, работа по обработке архивов продолжалась. Мартыновым было подготовлено к изданию продолжение серии «Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца». Т. VII и Т. IX. К сожалению, эти тома так и не были опубликованы, а обе рукописи хранятся в библиотеке ГАУО. Вплоть до смерти П.Л. Мартынова в 1922 г., и возможно несколько позднее, архивная комиссия продолжала свою работу, успев за это время обработать значительное число вновь поступивших церковных и иных архивных материалов. Коллекция документов архивной комиссии хранилась еще несколько лет (до 1927 г.) в Краеведческом музее (в Гончаровском доме) и лишь затем была передана в губернское архивохранилище.

Косвенной оценкой значения деятельности Симбирской губернской ученой архивной комиссии может послужить высказывание основоположника мордовского краеведения, историка И.Д. Воронина, где он сравнивает краеведение в Мордовии с краеведением в Симбирске: «Научно-историческая мысль пробуждалась и у соседей Саранска. В 1898 году вышла в свет книга П. Мартынова «Город Симбирск за 250 лет его существования», в 1902 — В. Красовского «350-летие города Алатыря», в 1908 — И. Юркина «Материалы для истории города Корсуна и его слобод»... Саранск же, как и многие города России того времени, не имел монографического описания своей истории. О надобности иметь книгу по истории Саранска не было суждений ни в школах города, ни в дворянском клубе, ни в городской думе, хотя, как известно, в то время проживал в Саранске энтузиаст-краевед, первый по губернии уездный врач Г.П. Петерсон, который был членом Пензенской ученой архивной комиссии. Он собирал сведения по истории Саранска, написал и напечатал в 1899 году небольшой очерк о достопримечательностях города. Но надлежащей поддержки городской управы краевед не встретил, и его изыскания остались незавершенными. (...) Не скоро возникла мысль о написании истории Саранска и в советское время. Это объясняется тем, что в отсталой Мордовии сколь-нибудь значительных традиций изучения края в дореволюционные годы не создалось ... Поэтому нужно было время, чтобы развилась краеведческая мысль в среде советской интеллигенции. Только в 30-е годы в Мордовии появились научные учреждения»⁹⁵.

Музей Симбирской губернской ученой архивной комиссии

Основание музея было положено первыми пожертвованиями, сделанными председателем комиссии В.Н. Поливановым, Императорской археологической комиссией, симбирским губернским правлением и другими учреждениями и лицами. Как сообщалось в обзоре, сделанном к 10-летию комиссии: «С первых дней своего открытия, архивная комиссия озаботилась, прежде всего, устройством своего музея, так как это учреждение справедливо считается одной из наиболее действительных мер к скорейшему и наглядному ознакомлению общества с остатками местной старины. Общество весьма сочувственно отнеслось к этой отрасли деятельности архивной комиссии: обильно стали поступать пожертвования со всех концов Симбирской губернии; не перестают эти пожертвования и до настоящего времени, так что музей наполнился теперь настолько, что для размещения предметов старины не оказывается достаточно места в витринах, шкафах и на полках. Публика охотно посещает музей: в течение 10 лет было 23822 посетителя, в их числе удостоили своим вниманием: Великий Князь Константин Константинович (в 1901 году), министр юстиции Николай Валерьянович Муравьев (1898 г.) и министр внутренних дел Иван Логинович Горемыкин (1899 г.). Ввиду незначительности материальных средств комиссии помещение музея далеко не соответствует своему назначению, оно состоит из четырех очень небольших и низких комнат (Музей помещается в частном доме, на углу Стрелецкой и Сенной улиц). К 1898 году некоторые представители городского общественного управления обещали архивной комиссии оказать свое содействие к тому, чтобы дано было отдельное помещение для исторического музея в предположенном к постройке городском народном доме, но этот дом до сих пор еще не начали строить. В 1903 году член архивной комиссии, мануфактур советник Николай Яковлевич Шатров обещал председателю комиссии пожертвовать 10000 рублей на покупку или постройку дома для музея, но комиссия до настоящего времени находится в приятном ожидании этого щедрого пожертвования»⁹⁶.

Первоначально музей имел бесплатное помещение в доме симбирского дворянства, однако временно. Через два года пришлось музей перевести в дом Гельшперта, на Покровской улице. Это новое помещение в ветхом деревянном доме менее всего могло соответствовать назначению музея как в смысле удобства по размещению предметов, так и небезопасности в пожарном отношении. Через полгода музей был переведен в новое помещение, сравнительно лучшее, но все же оставляющее желать многого для удовлетворения важных условий, как-то: обширности, изолированности от частных жилищ, соответствующей архитектуры. Как сообщала статья, посвященная 10-летию комиссии: «Эти и многие другие дефекты создают постоянную заботу комиссии об изыскании средств к приобретению подходящего помещения. По этому поводу комиссия пыталась входить в сношение с симбирским городским общественным управлением, проектируя устройство на городские средства народного дома с аудиторией, читальней и помещением для музея. Но эта попытка осталась безрезультатной. Помимо того, председатель комиссии, как уже упоминалось выше, заручился письменным обещанием мануфактур советника Н. Я. Шатрова, члена комиссии, пожертвовать 10,000 руб. на постройку здания музея, о чем и было доложено на заседании 28 октября 1903 г. Однако обещанное пожертвование до сих пор не поступало, и вопрос о помещении музея продолжает оставаться по-прежнему больным местом комиссии. Уплачивая из своих более чем скромных средств за квартиру ежегодно 240 руб., комиссия в то же время за недостатком места лишена возможности разместить надлежащим образом имеющиеся предметы старины, число которых с каждым годом увеличивается. Тем не менее, музей успел заслужить со стороны публики достаточный интерес, который определяется числом посещений, доходящих в год до 3000. Насколько позволяют вышеназванные условия, предметы музея размещены с разделением на отделы: а) нумизматический, б) палеонтологический, в) историко-археологический, г) церковный,

д) рукописей и грамот, е) книжный, ж) картин и портретов, з) Муранского могильника, и) булгарских древностей. В настоящее время древностей в музее 1790, монет 7376»⁹⁷.

Появление музея ученой архивной комиссии позволило остановить вывоз случайных находок кладов монет и других археологических ценностей из губернии. Кладоискательство было довольно распространено среди крестьян, принимая иногда характер массового ремесла⁹⁸, не прошло стороной и Симбирскую губернию. Однако до того времени как был организован собственный исторический музей, находки, приобретаемые у крестьян, уходили либо в центральные музеи (Императорская Археологическая Комиссия, Оружейная Палата и т.п.), либо в ближайший университетский город — в Казань. Вот несколько примеров.

25.09.1889 г. в Симбирское Губернское Правление поступает рапорт от Карсунского Уездного Полицейского Управления о предоставлении «72 серебряных не русского чекана разной величины монеты и одной серебряной вещицы в виде поясной пряжки, найденные крестьянином с. Пермис Максимом Егоровым Ласкуткиным при производстве пашни на поле близ с. Пермис». На рапорте резолюция вице-губернатора — отослать все находки на рассмотрение Императорской Археологической Комиссии. 13.10. приходит ответ из Санкт-Петербурга за подписью товарища Председателя ИАК В. Тизенгаузена⁹⁹: «Императорская Археологическая Комиссия имеет честь уведомить Симбирское Губернское Правление, что за серебряную пряжку и 72 золотоордынские монеты, доставленные в Комиссию ... отправлено в г. Карсун Уездному Исправнику 5 руб. 25 коп для выдачи их крестьянину с. Пермис Максиму Ласкуткину».

Через два года (13.09.1891 г.) Императорская Археологическая Комиссия возвращает найденные у с. Пермис 72 монеты и в письме на имя симбирского губернатора сообщает, что Комиссия «имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о передаче их на хранение в один из местных Музеев, вверенной Вам губернии и о последующем не оставить Комиссию уведомлением. И.д. Председателя Комиссии В. Тизенгаузен». На этом письме замечательная резолюция: «Так как в Симбирской губернии ни одного музея не имеется, то просить Императорскую Археологическую Комиссию, уведомить Губернатора куда следует отослать присланные при отношении от 13.09., серебряные золотоордынские монеты»¹⁰⁰.

В ответ на это Археологическая Комиссия в письме симбирскому губернатору от 17.10.1891 г. просит вернуть эти монеты в комиссию, а в феврале 1892 года присылает уведомление, «что возвращенные при отзыве монеты получены и пересланы на хранение в Музей Императорского Казанского Университета».

В 1889 г. также было рассмотрено несколько дел о кладах, найденных на территории губернии, среди них особую ценность имел клад «38 серебряных вещиц, 3 железных топоров и 2 серебряных монет», найденный в с. Муранки Сенгилеевского уезда (впоследствии там были проведены В.Н. Поливановым ширококомасштабные раскопки знаменитого Муранского могильника). Крестьянину, нашедшему этот клад Императорская Археологическая Комиссия выделила 12 рублей¹⁰¹.

Симбирский областной естественно-исторический музей

Областной музей возник по инициативе семейно-педагогического кружка в Симбирске. Впервые эту мысль высказала А.В. Кудрявцева на страницах Симбирских губернских ведомостей (1902, № 16): «... у нас нет музея, пособий по естествознанию, физических приборов, чучел, коллекций... столь необходимых при дошкольном воспитании ребенка». В ответ началось довольно активное обсуждение

затронутого вопроса. Постепенно сформировался оргкомитет из членов кружка, стали собираться отдельные экспонаты, коллекции, все это хранилось в нескольких частных квартирах, в ожидании того времени, когда у музея будет собственное помещение. Отсутствие собственных средств у кружка не позволяло найти и арендовать помещение. Все это тянулось так до того, как в 1906 году перед членами кружка с новой инициативой выступил краевед М.Ф. Суперанский¹⁰² с докладом «Об устройстве педагогического музея». Он рассмотрел, насколько эффективно методы наглядного обучения используются в других регионах. В частности, он привел пример Можайского земства, создавшего «подвижной музей», составленный главным образом безвозмездной деятельностью кружка местной интеллигенции, «который при небольших средствах достиг большого успеха» и «обслуживает школы не только Можайского, но и смежных уездов»¹⁰³. Другим примером была мастерская наглядных учебных пособий Вятского губернского земства, которая начала выпуск экспонатов в 1897 г. и быстро развила деятельность до годового оборота в 20 тыс. руб., причем качеством не уступая пособиям столичных фирм, значительно уступает в цене. Приводились в пример и другие земства, где уже были устроены и школьные подвижные музеи, и губернский музей вместе с мастерской по изготовлению наглядных пособий.

Отмечалось в докладе и то, что наряду с земскими педагогическими музеями открываются музеи и различными просветительными обществами. Таковы музеи частных московских воскресных школ и московского педагогического общества. Интересен опыт и петербургского передвижного музея при постоянной комиссии по техническому образованию русского технического общества, существующий с 1892 года. Хочется подчеркнуть, что для большинства современных музеев, выступающих в роли «скупого рыцаря» по отношению к подлинным экспонатам, может показаться безумием то, что делал этот подвижной музей: «Он выдает учреждениям и частным лицам во временное пользование физические приборы, приборы и посуду для химии, всевозможные коллекции по всем отделам естествознания, а также проекционные фонари и световые картины... в течение 1899 — 1900 учебного года было выдано более 47 тысяч предметов. Большая часть его разнообразнейших пособий составила из пожертвований и благодаря добровольному бесплатному сотрудничеству многих интеллигентных лиц, вносивших в дело кто инициативу, кто средства, кто свой труд». Изложив все эти аргументы, Суперанский подвел слушателей к мысли, что «один центральный городской музей мог бы удовлетворительно организовать с затратой значительно меньших средств, чем оборудование наглядными пособиями каждой школы в отдельности»¹⁰⁴.

Таким образом, решено было обратиться в училищную комиссию при симбирской городской думе и попытаться совместными усилиями решить вопрос организации естественно-научного музея. Училищная комиссия живо поддержала этот проект, более того, председатель комиссии М.А. Волков выдвинул несколько дополнительных предложений: 1) «музей, будучи учреждением общеобразовательным, должен иметь и чисто местный характер» (поэтому наряду с коллекциями по естествознанию здесь должны быть коллекции по географии, этнографии, археологии, истории, статистике местного края); 2) указывалось на желательность «организации при музее систематических лекций, бесед по естественной истории и педагогике, на желательность устройства при том же музее детского сада, образцовой низшей школы... научных прогулок и экскурсий... Музей должен быть зародышем будущего народного университета в Симбирске»¹⁰⁵.

Подобная широкая просветительская программа будущего музея легко нашла поддержку среди членов городской думы, и было решено выделить помещение под музей (бывший дом Егорова) и включить в смету 1907 года сумму в 200 рублей на содержание музея. Вскоре была организована комиссия по организации музея, предложен и утвержден устав музея, организована подписка на сбор пожертвований в пользу музея. В итоге в апреле 1909 года Симбирский Областной Музей получил официальный статус. К этому времени он получил более 1110 руб., а стоимость его коллекций оценива-

лась не менее 2 тыс. руб. В коллекции музея находились и местные экспонаты и экзотические (такие как чучело крокодила, присланное одним из симбирян из Египта), более 250 образцов симбирских и уральских минералов, множество препаратов по гистологии и эмбриологии, лекционный микроскоп, 84 образца симбирских древесных пород и многое другое.

С 1910 г. был открыт отдел геологии, минералогии и почвоведения им. П.М. Языкова. Было избрано правление музея (председатель правления и директор П.А. Беркос¹⁰⁶, товарищ председателя К.К. Гильзен¹⁰⁷, всего 9 человек) и члены музея (34 человека). Как сообщает Е.Г. Чернова: «1 сентября 1913 г. при музее открылся летний платный научно-образовательный кинематограф, где демонстрировались учебные фильмы по астрономии, биологии, физике, химии, географии и медицине. В 1914 г. при музее был создан зоосад, в котором обитало 50 животных... В том же году музею был передан во временное пользование рыболовный завод и рыболовный музей. Из лиц, занимавшихся в музее и пополнявших его коллекции, упоминаются: Г.С. Рогозин, А.А. Усков, А.А. Мошанский, Н.В. Красовский, Д.Е. Перкин, О.О. Дворжак, А.П. Баженов, В.А. Туруновский»¹⁰⁸.

Интересные воспоминания об этом периоде работы музея оставил Игорь Степанович Рогозин (1899 — 1977), ставший впоследствии известным геологом, специалистом по оползням.

«Старший брат Глеб с 15-ти летнего возраста принимал участие в революционной деятельности. В 1906 г. был исключен из гимназии... Был членом Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов в 1917 г. Был одним из организаторов Симбирского естественно-исторического музея. В музее начал работать и я, когда мне было 8 лет. Музей помещался в угловом каменном доме на углу Беляевского переулка и Покровской улицы, небольшие квадратные окна, которых выходили на Беляевский переулок. Одна комната была собственно музеем, другая была рабочей. Работал в музее ссыльный профессор Карл Карлович Гильзен. Музей был расположен на моем пути в школу. Возвращаясь из школы я шел не домой, а в музей. Хорошо помнится чучело черного волка, витрины с бабочками, птичками и проч. Летом мы мальчишки тащили в музей всякую чепуху. (...) Музей был для меня настоящей школой. Опыт экспедиционной работы я получил, работая в музее и для музея»¹⁰⁹.

За время своего существования музей выпустил два сборника под редакцией Гильзена: «Записки Симбирского Областного естественно-исторического музея», где представлены протоколы общих собраний членов музея за 1909 — 1913 гг., дан краткий обзор деятельности Симбирского областного музея, а также статьи местных и столичных авторов: Рогозина Г.С., Полякова А.С., Бородина И.П., Гильзена К.К. и других. Весьма примечательно, что именно на страницах этого сборника впервые была высказана мысль известным биологом В.Н. Сукачевым о необходимости организации в Жигулях заповедной территории, что и было со временем реализовано.

В 1918 году губернский отдел народного образования решил объединить все музеи города. Областной музей вместе с музеем Симбирской губернской ученой архивной комиссии и церковно-археологическим музеем были объединены в единый Народный музей. До настоящего времени можно увидеть экспонаты Симбирского областного естественно-исторического музея среди экспонатов отдела природы Ульяновского областного краеведческого музея.

Послесловие

Значение того, что было сделано для изучения края до 1917 года, можно оценить в свете истории советского краеведения.

О последних годах деятельности ученой архивной комиссии мы уже говорили. Продолжалась активная работа единого Народного музея, который позднее был переименован в Симбирский (с 1924 года — Ульяновский) губернский естественно-исторический музей. На базе музея в 1919 году начал свою работу Симбирский Пролетарский Университет. Руководил работой музея, а также с ноября 1920 по июнь 1921 года работой Пролетарского Университета, замечательный ученый и краевед Павел Яковлевич Гречкин (1879 — 1938)¹¹⁰.

Параллельно в Симбирске в начале 20-х годов возникло несколько новых краеведческих организаций. Первая из них, организованная при ГубОНО — Ученая Комиссия по изучению родного края, просуществовала довольно недолго. Комиссия возникла по инициативе проф. А.С. Архангельского¹¹¹, бывшего тогда ректором Пролетарского Университета¹¹². Как определял Архангельский: «Цель Ученой Комиссии по изучению родного края — всестороннее изучение Среднего Поволжья (от Нижегородского края до Саратовского) в прошлом и настоящем, его природы, народонаселения, языка, топографических особенностей»¹¹³. Финансовое обеспечение планировалось за счет Симбирского ГубОНО, при этом члены президиума и канцелярии должны были получать ежегодное жалование, а члены-сотрудники — оплату за каждый доклад или сообщение.

На первом заседании Комиссии были намечены следующие доклады: «М.Д. Беляев — о вновь найденных в Симбирске письмах А.И. Тургенева и симбирского декабриста В.П. Ивашева; проф. А.И. Яковлев — о колонизации бассейна Волги в XVII веке и основании Симбирска; А.В. Жиркевич — воспоминания о Л. Толстом, бывшем некогда студентом Казанского Университета и о романисте Гончарове; В.Г. Иванов — о замечательном храме XVII в. в Карсунском уезде; С.А. Кабанов — электрическое хозяйство Симбирской губернии, разработка торфяных болот; Б.А. Кабанов — очередные вопросы сельского хозяйства; А.М. Никольский — царство птиц Симбирской губернии; И.Г. Фирстойльм — леса Симбирской губернии»¹¹⁴. Однако большинство докладов так и не прозвучало, а многие члены комиссии уехали из Симбирска в 1920 — 1922 гг.

В связи с тем, что Комиссия по изучению родного края перестала существовать, по предложению А.Н. Путилова¹¹⁵ на базе Губернского книгохранилища был организован кружок по изучению местного края¹¹⁶. Но краеведение уже начинает значительно меняться по своим целям и задачам. И это легко представить, вспоминая пафос того времени, который удачно выразил при открытии Симбирского Университета председатель губ. комитета РКП(б) И. Варейкис, являвшийся одновременно и членом Ученого совета Университета: «пусть Пролетарский Университет станет тем Олимпом, на вершине которого пролетариат с мечом социального бойца и резцом ученого мыслителя и художника будет вырисовывать яркие контуры великого нового коммунистического общества»¹¹⁷. Соответственно требованиям эпохи, в своей программе краеведческий кружок поставил главной задачей всемерное развитие производительных сил края, изучение природных ресурсов, противопоставив себя «старому дворянскому краеведению», которое по мнению нового поколения краеведов излишне много занималось архивными исследованиями.

Начиная с ноября 1922 года заседания кружка проходили ежемесячно. В это время были заслушаны: сообщение А.К. Яхонтова об археологических раскопках в Собанчееве; доклад В.С. Гаевского «Обследование Киндяковки и о памятнике Гончарова»¹¹⁸; доклад Архангельского Д.И. об обследованных им литых и кованых решетках Симбирской губернии, выступление доктора Л.Е. Шостак о рождаемости и смертности в Симбирской губернии¹¹⁹; доклад Б.А. Кабанова об испарении сельхоз.

растений в условиях Симбирской губернии, опыты произв. на Анненковской опытной станции¹²⁰; сообщение Архангельского Д.И. о стиле и типах церквей города и губернии (демонстрированы рисунки некоторых церквей Симбирска, в Тетюшах и Языкове); доклад Путилова о губернском архиве¹²¹. В это время налаживается сотрудничество симбирских краеведов с Пушкинским домом¹²².

Кружок с 1924 года стал называться Обществом изучения Симбирского (затем Ульяновского) края. В письме в ЦБК об этом говорится следующее: «Кружок краеведения, основанный в 1922 году, преобразован в Общество изучения Симбирского края. В состав правления избраны А.Н. Путилов (председатель), Н.Н. Столов (зам. председатель), М.И. Пилясов (секретарь)»¹²³. Общество провело в эти годы довольно большую работу по изучению истории края, но главный упор члены этого краеведческого сообщества делали на практическую пользу краеведения: изучение производительных сил края и развитие образовательного аспекта краеведческой работы. Отчасти это можно представить по публикациям о деятельности Общества в местной печати¹²⁵. Несмотря на все достижения краеведов в этом направлении, власти, не считали необходимым поддерживать собственных исследователей. Так, например, планировался выпуск историко-географического и статистического сборника губернии, что не было осуществлено «за неимением средств, т.к. обещанная денежная помощь Губпланом оказана не была»¹²⁴. Только в 1926 году был подготовлен и издан 1-ый выпуск Сборника Общества изучения Ульяновского края (500 экз.), а также инструкция по сбору полезных ископаемых, анкета о вредителях, программа для обследования деревни. Программы были розданы по школам крупных сел губернии¹²⁶. «Секретарем Общества Путиловым была подана докладная записка в Губплан о возможностях использования природных богатств Ульяновской губернии. За год Обществом получено субсидий: от Главнауки — 360 руб., от УГИК — 60 руб., членских взносов — 16 руб., от продажи сборника — 34 руб. 80 коп. Израсходовано: издательские расходы — 380 руб., почтовые расходы — 2, 56 руб., канцелярские — 5. 14 руб., хозяйственные — 8 руб. и т.д. Остаток на 1.10 1926 — 14 руб. 34 коп»¹²⁷. Из 1-го выпуска Сборника мы узнаем, что к началу 1927 в составе Общества состояло 37 членов, которые работали в разных направлениях. Тогда же Обществом изучения Ульяновского края было разработано несколько маршрутов для летних образовательных экскурсий:

«*Центральный завод*, где можно ознакомиться с различными методами обработки металла;

Киндяковская роцца, которая представляет остаток типичной лесостепной полосы, с наличием дубравы;

Шиловка, которое являлось до революции самым богатым селом Симбирского уезда, около 4 тыс жителей, под садами находилось более 200 десятин земли, около Шиловки с давних времен разрабатывались месторождения мела, работает меломольный завод, близ Шиловки залежи фосфоритов;

деревня Поливна, вблизи деревни Поливный овраг, славящийся хорошими обнажениями меловых отложений, здесь можно встретить образцы местной железной руды (сферосидериты), сернистого колчедана, мергеля, гипса, фосфоритов, а также множество окаменелостей;

Ундоры, где находятся на берегу Волги и по оврагам множество окаменелостей юрских и нижнемеловых отложений, выходы горючего сланца, фосфоритов, несколько углекисло-железистых источников;

Жегули, куда надо добираться сначала пароходом до Ставрополя, затем на лодках (по 3 рубля на 6-10 человек) до Молодецкого кургана: «Развертывающаяся панорама надолго приковывает зрителя. Только ради эстетических переживаний стоит и необходимо побывать на Молодецком кургане»¹²⁸.

Активно работало Общество изучения Ульяновского края по оказанию помощи в организации краеведческих уголков в местных библиотеках и в снабжении их соответствующей литературой¹²⁹. Разрабатывались и пропагандировались новые методы исследования. В частности, в своей статье «Фотографирование и зарисовки с краеведческой целью» Путилов призывал больше обращать внимание на «фотографирование как одного из современных способов изображений изучаемого края, который плохо представлен в изобразительном искусстве»¹³⁰.

Однако, после выхода в свет третьего сборника, появляется в областной газете разгромная статья некоего Тайгина, где критикуется сборник, за идеализм (особенно ст. Н. Державина о театре в Симбирске в прошлом), за «бессистемность» и наличие некоторых ошибок. Вывод автора статьи однозначен: «Материалы сборника не представляют собой большой научной ценности»¹³¹. На этом заканчивается период местного краеведческого книгоиздательства в 20-е годы. Еще некоторое время Общество продолжало свою деятельность, но это происходило лишь благодаря энтузиазму отдельных краеведов. Властям это было явно не нужно.

Вот как описывает трудности краеведческой работы в эти годы талантливый учитель, ботаник и географ Владимир Иванович Апраксин¹³², который вместе со своими учениками 3-й школы организовал краеведческий журнал «Волжские дали», размножаемый на стеклографе. «Целый год наш кружок с большими усилиями проводил подготовку к предстоящей 2-й экспедиции по Волге, являющуюся преддверием исследований бассейна Волги от Ульяновска до Самары. На собранные средства удалось обзавестись постоянным экскурсионным оборудованием, провести научную подготовку, организовать хозяйственную часть экспедиции, закупить продовольствие, выработать маршрут... Дело за лодками, как единственным способом передвижения. О лодках мы начали хлопотать еще с мая и хлопотали мы ни много, ни мало как почти 2 месяца. За это время мы обегали всевозможные учреждения, кормившие нас «завтраками», но после ужасной волокиты вынуждены были в конце концов бросить это дело.

Необходимость развития краеведного дела среди масс учащихся, необходимость организации школьных краеведческих музеев, содействие экскурсионному делу — все это слова, которые прекрасно пишутся на бумаге, но ровно ничего не значат для тех учреждений, которые нам отказали в лодках.

Между тем так дело обстоит только в таких захудалых городишках вроде нашего Ульяновска, — в других же местах экскурсионное дело поощряется.

Ульяновский коммунтрест дошел до того, что запросил у нас за лодки приблизительно раза в 3-4 дороже, чем у самых злостных и жадных спекулянтов. Итак, лозунг «гони монету» нам сильно препятствует в нашей работе. И разочаровавшись «хождением по мукам» мы решили обратиться к своему патрону ГубОНО. ГубОНО к великому нашему удивлению расщедрилось и дало нам в помощь пачку старых ненужных газет для завертывания собранных материалов. Мы думали что ГубОНО хоть пуд бумаги даст, а получили с дюжину номеров.

И думается, что не напрасно ли тратим мы и время, и энергию на дело, которое по-видимому, никому из Ульяновцев не нужно»¹³³.

Сходная ситуация прослеживается и в отношении властей к архиву. Характерен в этом отношении фрагмент из доклада секретаря Средне Волжского краевого архивного бюро тов. Жукова: «В смысле обеспечения архивных органов научными работниками, из бывших губернских городов в самом плачевном положении Ульяновск. В Пензе имеется ученый архивист (один — на весь город! — В.Г.), в Оренбурге — научный сотрудник, а в Ульяновске ни одного...»¹³⁴.

Еще одно научное объединение, ставившее своей задачей изучение Ульяновского-Симбирского края сформировалось среди землячества студентов в Казанском Университете. Это общество выпустило несколько научных сборников в 1924 — 1929 гг., а затем также прекратило свое существование.

Вскоре прекратила свое существование и сама Ульяновская губерния, влившись в состав Средне-волжского края, сначала на правах округа, а затем, с 1930 г. по 1943 г. Ульяновск становится одним из районных центров Средневолжского края, а затем Куйбышевской области. Многие активные исследователи в области краеведения вынуждены были в поисках работы переехать в Москву (в частности, Н.Н. Столов, А.Н. Путилов, В.М. Зыков, В.А. Никонов, Д.И. Архангельский и другие).

В эти же годы произошло закрытие Центрального Бюро Краеведения при Академии Наук и перевод всех краеведческих организаций под контроль КомАкадемии. Идеологические запреты существенно ограничивали возможности местных исследователей, прерывая их существование в любой

момент, когда они могли оказаться «опасными» для авторитета власти. Не случайно, именно это стремление краеведческих объединений 20-х годов стали одними из первых жертв карательных мероприятий государства: «Тогда, как насильственно старались разобщить общество, внушая мысль об обострении классовой борьбы в стране, краеведы стремились увлечь общей культурной работой людей разных поколений, разного уровня образованности ... краеведы свои силы прилагали к тому, чтобы корневые связи не нарушались, а становились источником дальнейшего роста культуры на местах, связывали с этим экологическое образование и нравственное воспитание, и делали это доходчиво, действенно и самоотверженно»¹³⁵. Под жернова этой страшной машины репрессий попал директор Ульяновского краеведческого музея П.Я. Гречкин. После его ареста в декабре 1937 г. (расстрелян в январе 1938 г.) краеведческая научная работа в Ульяновске почти совсем замирает на долгое время, сохраняясь лишь на уровне школьного краеведения.

Заметной фигурой в краеведении того времени стал преподаватель Ульяновского педагогического института П.С. Бейсов (1906 — 1976), под руководством которого коллективом преподавателей и студентов Ульяновского педагогического института в течение 1939 — 1945 гг. был создан грандиозный библиографический указатель «Наш край». В силу значительного объема (более 800 стр.) не был напечатан, несмотря на то, что неоднократно поднимался вопрос о его публикации, и в настоящее время известно только 2 экземпляра этого указателя — в краеведческом отделе Дворца книги, и в библиотеке архива (ГАУО). В Приложении приводится выдержка из этого указателя.

После восстановления Ульяновской области в 1943 г. начинает разворачиваться научная работа на базе Государственного архива Ульяновской области и Ульяновского педагогического института. В конце 40-х годов на базе Государственного архива Ульяновской области был сформирован научный совет, который успел выпустить несколько сборников Ученых трудов. В это же время начинают происходить и некоторые перемены в краеведческом музее, в частности, с приходом нового директора (М.Х. Валкин) начинают выходить сборники Краеведческих записок Ульяновского музея.

Новая волна подъема интереса к краеведению происходит на фоне общих преобразований в стране в конце 50-х годов. Об этом может свидетельствовать сборник материалов «Краеведческая работа областных, краевых и республиканских библиотек», выпущенный Государственной библиотекой СССР им. В.И. Ленина в 1959 году. Показательны мотивы, по которым происходит возобновление интереса к краеведению: «XXI съезд в своих решениях указал на необходимость настойчиво осуществлять дальнейшее комплексное развитие экономических районов ... интенсивное вовлечение в хозяйственный оборот богатых природных ресурсов нашей страны. /.../ Новые задачи открывают невиданные возможности для развития инициативы и самостоятельности в строительстве народного хозяйства и культуры республик, краев и областей, требуют от работников на местах хорошего знания края, его природных, экономических, исторических особенностей, материальных ресурсов. /.../ Большую роль краеведческая работа библиотек играет в деле коммунистического воспитания трудящихся ... воспитываемая чувство советского патриотизма, ... творческую инициативу, стремление сделать свой край еще лучше и краше, заботу об охране его природы и памятников культуры»¹³⁶ (с. 3).

В приказе по Министерству культуры РСФСР (№ 489 от 29.06.1959 г.) говорится еще более выразительно: «Исторические решения XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза требуют дальнейшего развития краеведческой деятельности библиотек... В целях упорядочения и дальнейшего развития краеведческой работы областных, краевых и республиканских (АССР) библиотек — приказываю: ...

3. областным, краевым и республиканским библиотекам:

- а) организовать краеведческую работу согласно «Положению»¹³⁷;
- б) представить на утверждение Главка культпросветучреждений к 15/IX-1959 г. тематику краеведческих библиографических работ ...» (с. 10 — 12).

Сам стиль документа открывает для читателя непреодолимую пропасть между отчужденным отношением чиновника и тем, каким языком говорили старые краеведы со своими согражданами: «Потрудитесь с нами и после нас, родненькие!».

В этом же документе приводится любопытное, на наш взгляд, замечание: «во многих библиотеках, как, например, в Калужской, Тамбовской, Ярославской и других краеведческая работа почти не организована». И это говорится о тех областях, где в свое время активно работали прекрасные ученые архивные комиссии. Как будто ничего и не было, никакой преемственности и никаких традиций. И это не удивительно, если вспомнить судьбы большинства краеведов довоенной поры¹³⁸.

Это очередное оживление краеведческих исследований можно объяснить теми задачами народного хозяйства, о которых говорится в вышеприведенных документах, а также хрущевской «оттепелью», которая вселила надежды в сердца многих. Но ситуация была уже значительно отличающейся от того, что наблюдалась в конце XIX века — на местах хронически не хватало специалистов, а если и находились специалисты, то зачастую этого оказывалось далеко недостаточно, чтобы вновь организовать такие самостоятельные сообщества, трудившиеся бескорыстно и ревностно, какими были многочисленные участники ученых архивных комиссий и кружков «любителей родного края», активно работавших на рубеже XIX — XX веков во всех уголках российской империи.

И, тем не менее, многие библиотеки оказались центрами по возрождению краеведческого движения. В Ульяновске это произошло благодаря замечательному библиографу и краеведу Нине Ивановне Никитиной (1922 — 2004), сумевшей не только создать один из лучших краеведческих отделов среди областных библиотек страны, но и объединить разные поколения исследователей, многие из которых уже давно покинули свой город.

Последний подъем интереса к жизни провинции наблюдается в настоящее время, тесно связанный с реформами 90-х годов, а также с доступом во многие прежде закрытые и порой даже засекреченные архивы. В разных регионах этот процесс протекает по-разному. В одних областях возникли научно-исследовательские институты по проблемам краеведения, издается научная и популярная краеведческая периодика, активно вовлекается в это и молодежь, поскольку существует общественный стимул и поддержка. В других происходит медленное разрушение того, что было накоплено в предшествующие годы, несмотря на то, что опыт деятельности губернских ученых архивных комиссий доказывает, что эта работа может приносить совершенно неожиданные приобретения для научной и для общественной жизни края.

Попытаемся поразмышлять над тем что же такое краеведение и почему в одних случаях оно успешно развивается, а в других хиреет и чахнет.

Известный историк С.О. Шмидт определял краеведение следующим образом: «Краеведение — это и наука и научно-популяризаторская деятельность определенной проблематики: прошлое и настоящее какого-либо «края» (местности). Это — и форма общественной деятельности, причем такой, к которой причастны не только ученые-специалисты, но и более широкий круг лиц, преимущественно местных жителей. (...) Истинное краеведение — всегда краелюбие»¹³⁹. В другом месте он уточняет, что краеведение это: «изучение природы, населения, хозяйства, истории и культуры какой-либо территории, «края» (от крупного региона до отдельного города, села, предприятия, усадьбы, улицы, дома), главным образом, силами местного населения»¹⁴⁰.

Дмитрий Сергеевич Лихачев в определении своеобразия краеведения делал акцент на ценностные и воспитательные аспекты краеведческого движения: «Краеведение принадлежит к комплексным наукам. По типу оно близко к географии, но география обходится без оценок — она «спокойнее», строже, бесстрашнее. (...) Краеведение оценивает значительность происшедших на той или иной территории событий, связанных с этой местностью людей, ценность архитектурных и археологических памятников, красоту пейзажей. С этой точки зрения моральная отдача краеведения как науки исключительно

велика. И при всей необходимости географии краеведение — гораздо более воспитывающая наука ... оно придает местности, не имеющей «авторского происхождения», историзм... Когда мы узнаем, кто жил в том или ином доме, для нас этот дом наполняется духовным содержанием. Преобразуется и город, чью историю мы познаем. Природа Плеса приобретает особую красоту от сознания, что именно ее изобразил Левитан. (...) Краеведение — прекрасная школа формирования гражданственности»¹⁴¹.

Еще больший акцент именно на ценностно-нравственную сторону краеведения можно найти в работах активных участников краеведческого движения 20-х годов XX века. Вот в частности, что писал по этому поводу один из постоянных авторов журнала «Краеведения» Н. Владимирский: «По поводу понимания смысла терминов: краеведение, родиноведение, в настоящее время существует порядочная путаница» (...) «работники центра и работники провинции слишком часто по разному к нему относятся. Первые, давно, оторвавшиеся от своего родного угла, привыкшие к оперированию над голыми фактами и отвлеченными схемами, или же совершенно равнодушны к краеведению, или же понимают его как род географической дисциплины, как только часть своей общей схемы — источник статистического материала регистрируемых фактов. Совсем другое дело — провинциальные работники, осуществляющие работу краеведения на местах: для них дело краеведения есть нечто гораздо большее, они как-то неразрывно слиты с ним, черпая оттуда радость, смысл и оправдание своей собственной жизни (...) Многим хорошо известный финский краевед Тальгрэн находит в краеведении такой источник творческой силы, что видит в нем средство к спасению и подъему из нищеты... Еще ярче выразился В.П. Бирюков, директор Шадринского Научного Хранилища: Человек невольно опозитивизирует свой край, связывает свои идеалы с ним и стремится по мере сил и умения воплотить их на своей почве, среди своих полей, среди своих людей. (...) Откуда же вытекла краеведческая работа провинции, вернее, — это жгучее побуждение к ней, к исканию путей местного творчества, которое заставляет многих отдавать на это массу своих сил? — Из потребности народного самосознания и самовыявления, из ощущения яркой органической связи между тобой и всем, тебя окружающим. Все это вместе взятое непреодолимо влечет к творчеству и сообщает удивительные силы. Краеведение есть результат народной самодеятельности и самосознания, кровно связанный с местным ландшафтом в самом широком смысле этого слова. Оно в самой своей сущности в значительной степени противопоставляется «официальной» науке, затиснувшейся в административные рамки и цеховые условности»¹⁴².

Если отталкиваться от этих определений, то получается, что существует два подхода по изучению провинции: один направленный на объективное изложение (т.е. на объективизацию), второй на субъективно-поэтическое. Однако известно, что эстетическая составляющая заключена в любой научной деятельности. В качестве возражения обратимся к известному произведению А. Гумбольдта «Космос». Уже на первых страницах своей книги (глава «Вступительные размышления о различной степени наслаждения природой и об ученом исследовании законов Вселенной») знаменитый путешественник рассматривает два рода наслаждений, открывающихся для наблюдателя природы: «Первый род пробуждается в открытом детском разуме человека, когда он вступает в свободную область природы и темным чувством угадывает созвучие, царствующее в вечной изменчивости ее тихой деятельности. Другой род наслаждений обуславливается более совершенным развитием человечества и отражением этого развития на отдельном лице; он истекает из созерцания порядка вселенной и взаимного действия физических сил...»¹⁴³.

Что же касается того различия между географией и краеведением, о котором писал Лихачев, то здесь можно вспомнить, что и многие географы прошлого обращали внимание на гуманитарные аспекты своей дисциплины. Так, например, знаменитый Страбон даже относил географию к кругу философских дисциплин¹⁴⁴.

Таким образом, различие между краеведением и «большой» наукой заключается вовсе не в том, что краеведение поэтизирует тот мир, который окружает исследователя, а наука смотрит на мир отстраненным

«холодным взглядом» объективного наблюдателя, как это может показаться на первый взгляд. Дело в том, что у науки и у краеведения разные, если так можно выразиться, предметы восхищения. Лучше всего это представить в сопоставлении двух высказываний. Первое из них принадлежит Пушкину:

*«Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам».*

Второе — Иммануилу Канту: *«Две вещи наполняют душу все новым и нарастающим удивлением и благоговением ... чем больше я задумываюсь о них ... это звездное небо над головой и моральный закон во мне».*

Действительно, предмет науки заключен в поиске глобальных закономерностей и в понимании общечеловеческих ценностей, тогда как для краеведа ведущим (но не единственным) мотивом оказываются те чувства, которые, по словам поэта «дивно близки нам».

Вместе с тем, различие прослеживается и в способах организации научных и краеведческих исследований, в целях и методах их работы.

Так, краеведение объединяет любителей своего края, которые занимаются исследованием не в силу своих должностных или служебных обязанностей, и в этом свободном объединении как нельзя лучше проявляется свободный дух научного творчества. В этом смысле краеведение, объединяя людей равнодушных к своему краю, очевидно уже выделяет своих сторонников среди остальных жителей, а потому и эта черта (увлеченность) становится одной из характерных для краеведения в целом.

В науке же, особенно в отечественной науке, которая с самого своего рождения оказывалась частью государственной системы, присутствуют одновременно и свобода, и чиновный управленческий аппарат. И это сосуществование двух разных начал нередко оборачивалось губительно для науки. Здесь можно вспомнить судьбы целого ряда ученых, начиная с Мессершмидта, Стеллера, Ломоносова вплоть до современных российских ученых¹⁴⁵. Известный географ, путешественник и философ Петр Алексеевич Кропоткин высоко ценил возможности независимых научных сообществ. В частности, он писал: «почему-то все великие исследования, все перевернувшие науку открытия были сделаны помимо академий и университетов...»¹⁴⁶. Не настаивая на столь категоричном заявлении знаменитого лидера анархизма, тем не менее, согласимся, что в этом есть определенная правда. Известно, что многие открытия, сделанные в стенах российской государственной науки, осуществлялись как бы вопреки тому статусу, который имело то или иное научное учреждение.

В краеведении же, в связи с отсутствием материального благополучия, места для равнодушного человека не было, а потому, отношения в этих сообществах складывались, как правило, на основах взаимоуважения и взаимопомощи. Однако указанная проблема (соотношения творческой свободы и административного элемента), тем самым не снималась окончательно, а лишь выносилась за пределы научного сообщества, проявляясь в отношениях с местной администрацией.

О минусах краеведения, как науки, писал исследователь провинциальной историографии В. Бердинских: «Узость кругозора, оторванность изучаемых ими тем от тем общероссийской истории, локальность решаемых ими проблем и задач, а также неумение сопоставить местные явления и процессы с общероссийскими или даже с явлениями и процессами в соседних губерниях»¹⁴⁷. Однако, указанный «недостаток» краеведческих исследований, с успехом компенсируется иными возможностями. В частности, как констатировал С.О. Шмидт, «в годы господства в исторической науке социологической вульгаризации ученые в трудах именно краеведческой проблематики сумели достигнуть многого в изучении истории города, торговли, промышленности... взаимосвязи природы и общества»¹⁴⁸.

С этим мнением тесно перекликается оценка Бердинских, который подчеркивал, что сильными сторонами научных работ провинциальных историков были комплексный подход¹⁴⁹ к изучаемому явлению.

нию и «аполитичность подавляющей массы местных исторических исследований», проявляющаяся как независимость местных исследователей от идеологических установок столичной науки¹⁵⁰. Именно последнее обстоятельство и привело в конечном итоге к тому, что, по мнению историка, большое количество краеведческих материалов так и не были включены в научный оборот: «Комплекс произведений провинциальной историографии не укладывается в принятую в нашей историографии схему основных направлений исторической мысли XIX века. Идеологизированный подход к исторической науке, выделение дворянского, буржуазного, революционно-демократических течений, по существу, оставляли в стороне от серьезного историографического анализа тысячи исторических работ, созданных в русской провинции. Провинциальная историография как особое направление исторической мысли России XIX века в значительной мере игнорировалась. Огромный массив созданных и опубликованных в провинции исторических, археологических и этнографических источников и материалов остался в основном невостребованным в исторической науке XX века»¹⁵¹.

Довольно распространено мнение, что в краеведении наиболее распространенным методом является «собираательство» и в этом отношении оно уступает развитой системе исследований в академической и университетской науке. Действительно, способ организации материала по пространственному и хронологическому принципу характерен для начальных этапов развития научного знания. Вместе с тем, в краеведении присутствует то, что часто пропадает в специализированном научном исследовании — это стремление к осмысленному восприятию той действительности, в которой живет человек. Подобно античной философии, включавшей в себя и физику, и этику, краеведение в силу своего комплексного подхода, способно создавать целостный образ своего края, без которого сознание местного жителя носит по выражению Гегеля «ущербный характер». Именно потому так сильны и неиссякаемы стихийные источники краеведческого движения.

Возвращаясь к проблемам симбирского краеведения, следует признать, что грустное положение в современном краеведении обусловлено рядом социальных факторов. Из них можно выделить два наиболее значимых: отсутствие научной преемственности и местные особенности социалистической идеологии. Действительно, значительная часть симбирской интеллигенции, активно работавшая в местных научных и просветительских обществах, вынуждены были эмигрировать еще в августе 1918 года вместе с отступавшими войсками Комуча и белочехов, а новое поколение краеведов, которое сформировалось в 20-е годы, также вынуждено было покинуть город в конце 20-х — начале 30-х годов. Что же касается влияния идеологии, то преобразование Симбирска в Ульяновск, казалось вычеркнуло вместе с названием и всю древнюю историю края. Все что не касалось семьи Ульяновых исчезло в тени великой фигуры. Тогда как в соседних областях в те же годы, несмотря на все сложности советского периода, создавались научные центры по краеведению, проводились серьезные исследования прошлого, сооружались памятники. Так, например, в ходе экспедиции «Форпосты Отечества» мы видели памятники строителям Белгородско-Симбирской черты в Мордовии, в Пензенской, Липецкой, Воронежской и Белгородской областях, но не смогли увидеть ни одного памятника на территории Ульяновской области. А обсуждение проекта памятника основателю Симбирска оружейнику Богдану Хитрову выявило такие пробелы в современных знаниях о начальном периоде русской колонизации Среднего Поволжья, что целая группа краеведов, даже стала утверждать публично, что якобы Хитрово здесь и не был. Такая позиция — результат эпохи «воинствующего материализма», когда идеология старательно вычищала все, что не вписывалось в установленный образец. Идеология сменилась, а «воинствующие материалисты» остались.

Отсутствие развитого краеведения сегодня говорит о том, что современное общество, несмотря на определенный научно-технический прогресс, еще не дошло даже до того уровня самооценки и самосознания, который был характерен для российского общества второй половины XIX — начала XX веков.

бригадиру Василию Борисовичу Толстому, где он в отрыве берега видел слой помянутого шифера, и для пробы привез с собою несколько кусков. Я отправившись туда сам 5 числа сего месяца, мог видеть разные слои помянутого шифера различной толщины и доброты, самой верхний слой, которой не так сильно еще занесло снегом, толщиною идет на четверть, меж оным и другим слоем серая глина занимает место, таких слоев можно было видеть до четырех. По берегу ходили мы от помянутой деревни Городища в верх и в низ версты по три и везде великое множество сего шифера видел: ибо подрыв берега ястно оные слои показывал. Жители сей деревни сказывали нам, что оной шифер, которой они синюю землю называют, идет в низ даже до Соловков, что около 13 верст составит, но сего точно определить, так как и все осмотреть слои напавшей снег и стужею закреплой материк не позволяет, о чем комиссии Академии наук покорнейше репортует:

Доктор Иван Лепехин.

Синбирск. 1768 году декабря 10 дня».

Письмо Палласа графу В.Г. Орлову из Симбирска (Перевод С.А. Зеркаловой)

Ваше сиятельство!

Год, в который мы вступаем, вновь дает мне возможность от всего сердца выразить Вам свою признательность и сердечно пожелать Вам и вашей замечательной семье благоденствия. Пусть Бог поможет Вам во всех Ваших начинаниях, особенно в тех, которые Ваше сиятельство предпринимает во имя процветания Отечества, науки и Академии.

Я должен воспользоваться той возможностью, чтобы поблагодарить Вас за Ваши благосклонность и снисходительность, которые Вы соблаговолили засвидетельствовать по отношению ко мне до настоящего времени. Мысль о Вашей протекции придает мне силы, которые поддерживают меня в моем унынии в отсутствии друга. Удаленность от моей родины, молчание со стороны Академии погружают меня в отчаяние. Я не знаю на самом деле какую ошибку я совершил, заслужив забвение со стороны Академии, ибо не получил никакого ответа на ни на один из шести моих рапортов, отправленные начиная с июля месяца, причем некоторые из них требуют ответа незамедлительного и положительного. Мне представляется, что это молчание вызвано Вашим отсутствием в Академии. Я умоляю Ваше сиятельство довести до сведения Академии мои рапорты и распорядиться. Чтобы мне ответили на пункты, которые требуют срочного рассмотрения, т.к. это молчание меня обескураживает и приводит в уныние.

С тех пор, как я открыл в Симбирске месторождение каменного угля, его глубину невозможно исследовать из-за зимних холодов. Месторождение находится в 20 лье от Симбирска, на берегу Волги, в довольно вытянутом холме, на котором расположена деревня Городище. Большие куски этого угля, которые река донесет до подножия Симбирской горы, способствовали этому открытию, о чем я уже сообщал в Академию в начале этого месяца и отправил образец. Несмотря на то, что этот уголь хуже качеством, чем шотландский или английский, тем не менее, он хорошо горит, а, кроме того, его расположение облегчает транспортировку, что, на мой взгляд, немаловажно. По некоторым признакам это месторождение простирается на большом расстоянии вдоль Волги (правда с некоторыми перерывами), я думаю даже, что уголь можно будет найти у подножия Симбирской горы в северной части города. Я обрадовался этому открытию, ввиду того, что оно было моим первым открытием, что его можно употребить с пользой уже сейчас и оттого, что я сгорал от желания стать полезным для России...

Господин Генерал-губернатор Казани оказал мне честь отправить в Кабинет Академии совершенно черного кролика, животное очень редкое, которое было поймано живьем в 100 лье от северной части Казани. Оно могло бы стать достойным экземпляром императорского зверинца, но риск путешествия и особенно жестокость, от которой животное пострадало при поимке, страшат меня потерять это чудо, отправляя его живьем в Петербург.

Я только что получил благодаря милости господина асессора Мещеринова образец минеральной воды с серным запахом, которую я нашел на землях Вашего сиятельства возле Усолья, которая могла бы стать

весьма полезной при лечении многих болезней. Я смогу рассказать о свойствах воды гораздо больше позднее, когда я проведу анализ на месте.

Большое событие, связанное с прививкой (от оспы. — В.Г.) Наследника и Ее Императорского Величества² должно заинтересовать и заслужить благодарность и поздравления России со стороны всего благогоумного человечества. Это было одним из замечательных проявлений величия души и человеколюбия.

Примите выражение моего глубокого почтения.

Симбирск 28 декабря 1768. Ваш покорнейший слуга. П.С. Паллас».

¹ ОР РГБ, Ф.219. К. 53. Ед. хр. 62. Лл. 26 — 27.

² Речь идет о том, что 12 октября 1768 года Екатерине II была сделана прививка от оспы, чем она дала пример и для ее приближенных. Так было положено начало вакцинации в России от страшной болезни. При этом метод вакцинации был более несовершенным, чем впоследствии (в 1796 году) было предложено английским врачом Эдвардом Дженнером.

Приложения к главе IV

Языков П.М.

Обозрение истории Геогнозии Симбирской Губернии¹

«Сделаем, что можем и как можем, тогда другие сделают лучше и больше»

Ученое путешествие, предпринятое в России разными естествоиспытателями, по повелению Великой Екатерины, положило основание Геогнозии Симбирской губернии. Знаменитый Паллас въехал в нашу губернию старою пензенскою дорогою и прибыл в гор. Симбирск 22 сентября 1798 г.,² отсюда и делал он свои поездки по разным направлениям. Из неизданного его письма к Графу Орлову, сообщенного в Карамзинскую Общественную Библиотеку В. П. Давыдовым, видно, что Г. Паллас не нашел в нашем городе большого сочувствия к делу, на которое вызван был Мудрою Екатериною, — вот слова путешественника: «мысль, что Ваше Сиятельство меня покровительствуете и надежда сохранить это высокое покровительство, составляют единственную опору меня поддерживающую в том унынии, в которое меня погружает неимение друга, удаление от отечества, молчание Академии и наипаче в таком городе, где, кажется, любят крючкотворство и с удовольствием беспокоят иностранцев».

Осмотревши окрестности Г. Симбирска и удаляясь от него на Восток до пригорода Сергиевска в Оренбургскую губернию и на Север до г. Тетюш и знаменитых Болгар в Казанскую губернию, Г. Паллас в феврале месяце 1769 г. направил путь свой на Юг к гг. Самаре и Сызрану и осмотрел всю Юговосточную часть Симбирской губернии.

Академик Лепехин приехал в г. Симбирск в том же 1768 г. по другому направлению: из Нижегородской губернии на Гг. Курмыш и Алатырь и потом большою московскою дорогою. Отсюда³ он поехал осматривать пространство Губернии по течению реки большого Черемшана, доезжал до пригорода Сергиевска, потом спустился до устья реки Соки, описал в этнографическом отношении Чуваш и Калмыков и левою стороною р. Волги возвратился в г. Симбирск. Здесь осматривал он его окрестности доезжал до г. Тетюш и обозрел весь берег р. Волги от этого пункта до г. Симбирска. Отсюда он отправился саратовскою дорогою до с. Усолья и в Жегулевских горах в с. Рождественском съехался с Г. Палласом и Профессором Фальком. Из этого села Г. Паллас поехал в г. Самару: Г. Фальк горами до г. Сызрана, а Г. Лепехин р. Волгою и таким образом оставили нашу губернию. Здесь мы заметим, что все наблюдения Г. Палласа и его спутников должны быть названы образцовыми, по их точности и достоверности, — я вполне убедился в этом, осматривая те самые места, которые подлежали наблюдениям этих путешественников и утвердительно могу сказать, что если бы в новейшее время наши географы, отправляясь в путь, предварительно изучали труды Палласа и его спутников, то нет сомнения, что Геогнозия целой России была бы несравненно более обработана. Исследования Гг. Палласа и Лепехина определили распространение по Симбирской губернии глинистаго пещаника,

кварцевого песчаника, белого мела, серого мела, опоки, серой сланцевой глины, смолистого сланца, гипса известняков, — словом — почти всех горных пород (*roches*), входящих в состав разных почв (*terrains*) губернии, но в это время идея Фюкселя об образованиях (*formations*) не получила еще полного развития; а потому все открытия Палласа и его спутника, в геогностическом значении, остались полвека грудой строительных материалов для будущего здания, к которому Геогнозия приступила токмо в наше время.

В 1809 году Г. Академик Севергин напечатал «Опыт минералогического Землеописания Российского Государства», в статье о Симбирской губернии поместил он список ископаемых открытых на ее пространстве, разделивши их на породы землекаменные, соли, горючие тела, металлы и окаменелости. В этом списке достопримечательно то, что все прибавленное к сведениям, заключающимся в путешествиях Палласа, Лепехина и Фалька, ошибочно и неверно. Так следующие ископаемые: каменная соль, кварцевый сланец, медно — песчанистые руды, синяя железная земля и проч. не были доселе открыты в Симбирской губернии и едва ли существуют в ее почвах. Трудно придумать, откуда Г. Академик почерпал эти небывалые открытия: он нигде не ссылается на сочинения, из которых бы они были заимствованы. Местонахождения поименованных в списке ископаемых, открытых и неоткрытых в Симбирской губернии, или совсем не означены, или означены неопределенно: близ Симбирска, близ Сызрана. Между тем в путешествиях Палласа, Лепехина и Фалька местонахождения ископаемых указаны верно и приурочены со всею подробностью и точностью. Возьмем один пример: «каменная соль, говорит Г. Академик, находится гнездами в алебастровых горах близ Симбирска на Волге». Но где же эти алебастровые горы близ Симбирска: вверх по р. Волге, они находятся выше г. Тетюш близ Села Сюксева в Казанской губернии, более ста верст от г. Симбирска, — вниз по р. Волге, в Самарском уезде, в Жегулевских горах близ деревень Серновки и Подгор, более ста пятидесяти верст от г. Симбирска. Кто же открыл и когда каменную соль в этих алебастровых горах? Такие не точные указания ведут к ложным заключениям и затемняют науку.

Но вообще в наших сочинениях и гораздо позднейших неточные сведения не редки. В Географии Российской Империи, изданной Г. Павловским в 1843 г. находим следующее известие: «недалеко от г. Симбирска лежит гора, на склоне коей находится источник горной смолы, почитаемый татарами всеобщим лекарством; на сей же горе есть другой источник, на дне коего образуется желтосерная осадка; вода отсюда употребляется с пользою против кожных болезней». Откуда же Г. Павловский заимствовал эту сказку? между тем в предисловии к своему труду он говорит, что имеет в виду пользу юношества и искренне «желает, чтобы этот посильный и добросовестный труд принес некоторую пользу молодым соотечественникам».

Название каменного угля ошибочно приданное Г. Палласом смолистому сланцу, открытому знаменитым ученым в 1768 году близ деревни Городище на Волге выше г. Симбирска и в 1769 г. в Сызранском уезде близ пригорода Кашкура, составляет, кажется, основание геогностических исследований, предпринятых в Симбирской губернии по распоряжению Горного Начальства.

В 1830 году Горного Журнала⁴ помещена статья Горных Офицеров Широкина и Гурьева, под заглавием: «Геогностическое обозрение праваго берега р. Волги от г. Самары до пределов Саратовской губернии и в особенности Сызранского уезда Симбирской губернии». Не открыв месторождений каменного угля Гг. Широкин и Гурьев вывели в статье своей следующее заключение: «месторождений этого горючего материала каменного угля должно искать выше по течению р. р. Волги и Самары, где должны находится древнейшие почвы». В следующем году Горное Начальство, руководствуясь приведенным выводом, поручило тем же Офицерам исследовать берега р. Волги от г. Самары до г. Свияжска. Эти новые unsuccessful поиски помещены в Горном Журнале⁵, но несмотря на то, что труды Гг. Широкина и Гурьева не увенчаны были открытием месторождений каменного угля: что статьи их не определили с точностью ни одной почвы (*terrain*) на всем осмотренном ими пространстве: труды их заслуживают внимания ясным и добросовестным изложением наблюдений и весьма важны в отношении Геогнозии Симбирской губернии.

В 1832 г. поместил я в Горном Журнале⁶ краткое обозрение Симбирской губернии. Известный французский Геолог Бюе в *Resume des progres de la Geologie pendant l'annee 1832*, читанным в заседании Французского Геологического Общества⁷, приводит список открытых мною окаменелостей в меловых почвах нашей губернии, замечая, что «этот список, в первый раз, ясно показывает зоологическое тождество русского мела с мелом Северо — Западной Европы». Потом он перешел в Журнал⁸, издаваемый Гейдельбергским ученым Бронном и Леонгардом, и открытые мною виды окаменелостей приведены Г. Бронном при изложе-

нии меловых почв, в известном его сочинении *Lethea Geognostica*⁹. В 1833 г., перевод статьи моей помещен в *Annales des Mines*¹⁰.

В 1836 году последовало Величайшее Повеление об учреждении в Губернских городах выставок изделий: в циркулярном предписании Г. Министра Внутренних Дел от 29 августа 1836 г. значение Губернских выставок распространено, и к первому отделу отнесены все произведения природы преимущественно свойственные губерниям, как — то: образцы почв, образцы металлических и других минераллов; разного рода окаменелости, образцы растений, образцы животных и проч. Таким образом в программу выставки Симбирской губернии вошли все ископаемые ее почв *terrains*, и собрание их должно было выразить состояние минеральной статистики губернии.

Наша выставка удостоена была обозрения ГОСУДАРЯ НАСЛЕДНИКА, посетившего город Симбирск, и потом открыта для всех сословий 25 июня 1837 года. Тогда напечатан: *Каталог предметам представленным на губернскую выставку в городе Симбирске*¹¹. Он был разделен на две части; первая заключала: естественные произведения губернии; вторая: — искусственные.

Симбирская выставка едва ли не превосходила все известные губернские выставки своими естественными произведениями, которые подразделялись на два отдела: первый заключал ископаемые орудия или органические; второй — ископаемые неорудия или неорганические. Собрание ископаемых остатков животных позвоночных *vertebrata* состояло:

1. Из костей млекопитающих (*mammalia*), отрытых в почвах современных *terrains contemporains* и почвах потопных (*T. diluviens*).
2. Остатков рыб отрытых в меловых почвах *T. cretaces*.
3. Остатков ящеричных животных *sauriens* из Юрских почв *T. jurassiques* окрестностей города Симбирска.

Разные образчики остатков поименованных животных представлены были на выставку, как видно из ее каталога, разными лицами губернии, и в особенности поступили из моего собрания: рога северного оленя *Cervus tarandus*, лося (*Cervus Alces*), Ирландского или великорослого оленя (*Cervus giganteus* Gold), представленные на выставку преимущественно с берегов рек: Мени и Кинги из Курмышского уезда, соединяли, так сказать, современные роды и позвоночных животных с родами допотопными; соединяли времена исторические с временами Геологическими. Олень и лось в наше время не населяют более лесов Симбирской губернии; но в летописях мы находим сказания о их существовании. Из Царственной книги¹² нам известно, что Иоанн Грозный, шествуя с воинством под Казань, имел 10 — й стан на р. Медяне, 11 — й на р. Мене, 12 — й на р. Алатыре; следовательно воинство проходило Курмышским уездом, теми самыми местами, где теперь встречаем остатки лося и оленя, а потому слова летописца: «И таковое многое воинство всюду яко Богом уготованну пищу обретаху на поли, убо всяким благовонным овощим довлыхуся; от животных же лоси яко самозванни на закланье приходяху. — Егдаже приспе пост и в ти дни невидаху ни птицы, ни лосей», — подтверждаются самыми фактами, которые выставка привлекла в городе Симбирске.

Рог Ирландского оленя (*Cervus giganteus* Gold) найденный в Самарском уезде в Жегулевских горах около деревни Винновки и представленный купеческою женою Клепиковою, заслуживал особенное внимание: этот вид оленя, в наше время не существующий, открыт был у нас в России в первый раз, потом остатки его найдены в других местах Симбирской губернии, наконец и в Сибири в пещерах Алтайского хребта по берегам рек Чарымы и Ханхары, как это приводит академик Э. И. Эйхвальд. Эти открытия изменяют выводы знаменитого Кювье, что «Ирландский олень, подобно древним Кельтам, был загнан в западные оконечности Европы».

Не менее примечательны были два черепа древнего быка *Bos priscus* Bojan.: один из них найден вымытым рекою большим Черемшаном, — другой — в Сурских лесах в Алатырском уезде. Также два черепа носорога с носовою костяною перегородкою (*Rhinoceros tichorhinus* Cuv.), найденные в Симбирском и Ардатовском уездах, и остатки слона мамонта (*Elephas mamonteus* Fisch), которые столь были многочисленны, что я должен был в каталоге выставки подразделить их на кости лица, кости туловища, кости передних оконечностей и кости задних оконечностей.

Знаменитый Паллас во время пребывания своего в Симбирской губернии осматривал остатки слона мамонта, найденные при селе Нагаткине и деревне Чирикове на Большом Бирюче. Академик Лепехин видел те же остатки в с. Нагаткине, а потом в Суровчике, осматривал рога древнего быка *Bos priscus*, который

найден был при реке Чернушке, впадающей в р. Елшанку в Симбирском уезде. Весьма замечательно, что потопные почвы, или древние наносы (*Diluvium*) долины р. Большого Бирюча составляют в Симбирской губернии главное место нахождения остатков толстокожих животных древнего мира.

Наконец обращали на себя внимание остатки ящеричного животного плоско — зубаго *Ichtyosaurus platyodon* Conyb; они состояли: из бедренной кости (*os femoris*), плечевой кости (*humerus*) и позвонков (*vertebra*), открытых мною в 1829 и 1830-годах на большом выходе Юрских пластов по Волге выше г. Симбирска. Эти остатки были описаны мною в Горном Журнале и примечательны тем, что в первый раз открыты в России.

Таким образом древняя Фавна позвоночных животных России приобрела два примечательные вида животных: оленя великорослого *Cervus giganteus* и ихтиосавра широко — зубаго *Ichtyosaurus platyodon*, давно открытых в западной Европе и впервые в России — в почвах Симбирской губернии.

За остатками позвоночных животных расположены были на Симбирской выставке следующие свиты животных беспозвоночных (*invertebrata*) или Моллюсков, коих остатки открыты мною в разных почвах Симбирской губернии, как — то: в древних третичных (*T. tertiaires*), в меловых (*T. cretaces*) и в Юрских почвах (*T. jurassiques*).

Три эти свиты окаменелостей заключали большею частию новые виды, свойственные русским почвам, которые определены были впоследствии, когда Палеонтология России получила большее развитие трудами Фишера, Пандера, Эйхвальда, Буха, Вернея, Дорбиньи и Графа Кейзерлинга.

Естественные произведения губернии оканчивались ископаемыми неорудными: собранием горных пород (*Roches*) всех вообще почв развитых на пространстве Симбирской губернии, которое представлено было мною. К нему присоединены были и некоторые образчики ископаемых, присланных разными лицами губернии, но в весьма незначительном числе. Горные породы почв горного известника и почв Пермских оставались неопределенными в геогностическом отношении; позднее уже, труды Г. Мурчисона и его спутников, указали их нормальное место в ряду Палеозойских почв нашей губернии.

Во время Симбирской выставки, нашлись лица сомневавшиеся в ее пользе, что весьма естественно при каждом нововведении; но Русский народный ум, — это самородное золото, неискаженное вычурною работою ювелира — иностранца, часто постигает сущность дела скорее лица, так называемого, высшего сословия. Простолюдины смотревши выставку, поняли, что кости животных находимыя в земле и разные камни, которых столько видели на выставке, должны же быть нужны и иметь значение, если представлены были ГОСУДАРЮ НАСЛЕДНИКУ и им лично осмотрены: а потому вскоре после выставки мещанка г. Симбирска доставила мне череп с частию рога ирландского или великорослого оленя *Cervus giganteus* Gold, найденный ею вместе с бивнем и зубом слона мамонта в черте Симбирска, — в самом городе. Дворовый человек Г. Микулина доставил в мое собрание два аммонита, найденные им в Симбирске. Часовых дел мастер Гренев доставил мне образчик анилоцеруса (*aneylocerus d'Orb*) весьма примечательный тем, что этот род впервые встречен в России. Открытый вид оказался новым и я назвал его *Aneylocerus Simbirskiensis* Sp.n.

Но большую пользу надо было ожидать в последствии от осуществления благотворной мысли Губернских выставок: почтеннейшие и образованнейшие лица губернии, вызванные на дело Священною Волею ГОСУДАРЯ, спешили представить Сыну Цареву все, что составляло основание их богатства, с примерными рвением и заботливостию изготовляли произведения своих хозяйств, представили на выставку и приняли живейшее участие в самом ее устройстве. Дело новое, которому так горячо содействовали многие лица, вполне заслуживало признательность и благодарность.

В предписании от 24 июня 1837 года Г. Министр Внутренних Дел просил Гражданского Губернатора объявить признательность Высшего Начальства двум лицам непосредственно занимавшимся устройством выставки.

В том же 1837 году Штабс — Капитан Геренгрос производил, по распоряжению Горного Начальства, поиски в Симбирской губернии для открытия месторождений Асфальта: исследования его помещены в Горном Журнале¹³. Поиски остались безуспешными, а статья Г. Геренгроса отличается сбивчивостию геогностических понятий, неверностию определения горных пород и самых наблюдений; она потом повлекла в невольные ошибки Г. Гельмерсена при составлении *Генеральной Карты Горных формаций Европейской России*¹⁴. Г. Геренгрос, принимая по всему объезженному им пространству все известняки за мел, говорит:

«меловой рухляк держит перевес перед прочими изменениями мела, господствует не только в Симбирской губернии, но также в Казанской и Оренбургской»¹⁵. Статья оканчивается сведениями об известных и вновь открытых полезных минералах; но несмотря на то, мы не находим ничего вновь открытого, разве только то, что известковый шпат, заключающийся в пустотах цехштейна, Г. Геренгрос принимает за полевой шпат, а смолистый сланец называет землистым лигнитом и полагает, что он «едва ли необразовался от случайного скопления между слоями глины стволов, листьев и травы»¹⁶. Тогда как смолистый сланец нашей губернии никогда не содержал отпечатков растений, но одни остатки животных: рыб и моллюсков; тогда как Г. Гурьев и Широшкин, еще в 1830 г.¹⁷ справедливо заметили: «Кажется сланец (горючий) обязан происхождением своим животным, а не растительным веществам; ибо как в нем, так и в окружающих известняках не найдено нами даже и одного отпечатка растений».

В 1840 г. знаменитый Берлинский геолог Леопольд Фон Бух, в своем достопримечательном сочинении о горных образованиях России, говоря о меловых почвах, поместил извлечение из моей статьи о меловом образовании Симбирской губернии. Г. Блазиус брауншвейгский ученый, участвовавший в первом путешествии Г. Мурчисона в 1819 г., напечатал сочинение свое о России, и между прочим заметил (Т. II ст. 368) «что до 1841., или вернее до статьи Г. Буха, в России существовали верные данные почти исключительно о меловом образовании и с того года и труда Г. Буха начинается Геогнозия в России, как наука (*Wissenschaftliche Geognosie*) и вообще точное определение горных пород». Этот вывод Г. Блазиуса заслужил сильный гнев Г. Рулье, Профессора Московского Университета, но, несмотря на негодование нашего ученого, приведенные слова Г. Блазиуса имеют свое основание: ибо неточное определение горных пород существовало у нас издавна, продолжалось и после 1841 г. и мы встречаем его даже в новейших статьях самого Г. Рулье.

В 1841 знаменитый Английский геолог Мурчисон, предпринял второе путешествие по России и осматривал некоторую часть Симбирской губернии. Одни спутники его Гг. Вернель и граф Кейзерлинг посетили г. Симбирск, куда они прибыли через Г. Арзамас большою московскою дорогою. В это время, я был за границею, путешественники геологи не могли получить в нашем городе никаких указаний, даже обозрение моего собрания ископаемых Симбирской Губернии, без изустных объяснений, не послужило им руководством и не могло указать на те места, которые должно было им осмотреть: а потому и принуждены были они ограничиться только обозрением д. Городище на Волге, месторождения горючего сланца, описанного еще Г. Палласом. Здесь они открыли несколько видов окаменелостей и сняли разрез берега реки Волги. Таким образом спутники Г. Мурчисона не видали ни ломок глинистаго пещаника в д. Погребах; ни ломок кварцевого пещаника жернового камня в Тушне и Артюшкине, ни меловых в с. Шиловке на Волге, ни примечательных обнажений юрских пластов с костями ящеричных животных, выше новой Поливы; хотя все эти места лежат в окрестностях города Симбирска. Отсюда Гг. Вернель и Граф Кейзерлинг поехали в г. Казань большою дорогою, где и нашли Г. Мурчисона, проехавшего из Москвы чрез Нижний Новгород. Из города Казани путешественники направили путь свой на Урал и, обозревши в разных направлениях этот классический хребет, спустились к реке Волге через города Белебей, Бутульму и Серноводск в г. Самару, откуда Г. Мурчисон проехал в с. Усолье и осмотрел главнейшую часть Жегулевских гор. Из всего сказанного видно, что Симбирская губерния не составляла исключительного предмета исследований путешественников — геологов; но изданное в 1845 году описание их путешествия¹⁸, не говоря уже о значении его в отношении Геогнозии и Палеонтологии целой России, весьма важно для Геогнозии Симбирской Губернии тем, что в первой геологической его части, написанной Г. Мурчисоном определены впервые с точностию древнейшие или палеозойския почвы нашей губернии: горный известняк (*Bergkalk*) гор Жегулевских и пермский известняк (*Zechstein*) между реками Соком и Кондурчею¹⁹. Во второй палеонтологической части, соединяющей в себе труды Гг. Вернеля, Дорбиньи, Адольфа Кроньера, Мориса и Агассиса, описаны и изображены окаменелости нашей меловой почвы, собранные во время путешествия, большею же частию доставленные мною Графу Кейсерлингу²⁰.

Выше мы заметили, что Г. Гельмерсен, основываясь на приведенных ошибочных утверждениях Г. Геренгроса, поместил на геогностической карте, им изданной, меловые почвы в Ставропольском и Самарском уездах нашей губернии; в 1842 году и проехал от г. Симбирска до городов Чистополя и Мензелинска и Серноводска и возвратился в г. Симбирск теми самыми местами, где на карте Г. Гельмерсена назначены меловые почвы и нигде оных не встретил. Замечания мои на Генеральную карту горных формаций Европейской России поместил я в наших журналах²¹. Г. Гельмерсен принял их в соображение, и при втором издании своей

карты сделал должные поправки²², и в объяснениях приложенных к карте стр. 345 говорит с добросовестностью ученого: «весьма недавно Г. Языков показал, что на левой стороне р. Волги между реками Ахтам и Соком существует большой наносный бассейн, а не мел, как я назначил на моей карте первого издания, по указаниям Г. Геренгрота». Действительно поездка моя определила луговую сторону реки Волги нашей губернии и доказала, что она составляет геологический бассейн, который в замечаниях назвал я приволжским бассейном. Относительно его, в 1844 году, писал я Графу Кейзерлингу, приславшему мне для просмотра черновую геологическую карту России Г. Мурчисона: «Разсмотревши геологическую карту России, которую я получил при письме вашем, нахожу ее весьма хорошо составленную, и сомневаюсь в том, чтобы возможно было сделать что либо лучше за неимением частных исследований. Рубежи почв «Симбирской Губернии» нанесены довольно правильно, большая верность почти невозможна; ибо потребовала бы карту большего размера. Теперь сообщу вам некоторые сведения о двух приволжских бассейнах, назначенных мною на карте; первый из них, названный мною в замечаниях на карту Гельмерсена, приволжским я переименовал Болгарским Бассейном, заимствуя это название от Царства Болгарского занимавшего оный, ограничен реками: Ахтам, Волгою, Соком, Кондурчею и грядю цехштейна простирающеюся от Серноводска до р. Камы и г. Чистополя. Второй бассейн, лежащий ниже по р. Волге, я назвал Балаковским, от села Балакова, знаменитого пшеницею белотуркою, ограничен реками: Волгою, Мочеею и северным отклонением Общего Сырта. К г. Саратову он сливается с Каспийскими осадками и составляет незамкнутый бассейн, подобно первому, но более залива древняго Каспия. Оба должны быть причислены к Каспийскому Плиоцену». Граф Кейзерлинг сообщил вероятно письмо мое Г. Мурчисону, который и сохранил на геологической его карте мои исправления и вполне согласился с моими исследованиями о распространении на севере каспийских осадков²³, но это мнение, выведенное из наблюдений, не осталось без критики. В Северной Пчеле на 1846 г. в № 244, находим статейку из г. Саратова, под заглавием геологических замечаний, в которой сочинитель говорит, что выводы относительно распространения древняго Каспия неосновательны по следующим причинам: «мудрено, чтобы Каспийское Море могло усохнуть более чем на 1000 верст и чтобы такое важное явление на земном шаре никем из древних не было замечено. Древние Греки и Арабы неприминули бы упомянуть об этом». Слова эти ясно показывают, что Г. Критик не различает времен исторических от геологических, а потому все выводы его ошибочны. Потом он продолжает: «Любопытно было — бы знать, где был северо-восточный берег этого вымышленного моря. Я уверен, что сочинитель вышеприведенной мысли не придумает с этой стороны даже сколько нибудь правдоподобной окраины моря». И здесь Г. Критик грубо ошибается и говорит на обум. Болгарский Геологический Бассейн ясно ограничен с севера высоким, крутым, правым берегом реки Ахтая, а с востока грядю пермского известняка, идущею от города Чистополя, или реки Камы к Северноводску. Ясно, что Г. саратовские ученые не мастера писать геологические критики!...

В 1843 г. Г. Нешель осматривал пространство Симбирской губернии от г. Самары вниз по р. Волге и наблюдения его вошли в статью Г. Гельмерсена: *Геогностические Замечания о степи между реками Самарою, Волгою, Уралом и Манычем*²⁴. В 1844 г. Императорское Минералогическое Общество в Санктпетербурге издало Таблицу Почв Симбирской Губернии мною составленную, которая в литологическом составе почв заключает все известные ископаемые доселе открытия на пространстве нашей губернии.

В 1846 г. доставил я достопочтеннейшему Вице — Президенту Императорскаго Общества Естествоиспытателей в Москве Г. Фишеру Де — Вальдгейму все остатки ящеричных животных открытых мною в 1829 г. в юрских почвах окрестностей г. Симбирска. Г. Фишер определил их и описал в особенной статье: *Notice sur quelques Sauriens de l' Oolithe du gouvernement de Simbirsk*²⁵.

Доставленные остатки он относил к роду ихтиосаура: один к виду *Ichtyosaurus platyodon* Con. другие к *I. thyreospondylus* Owen: небольшой же череп к новому роду *Rhinosaurus* им установленному: открытый вид назван *Rhinosaurus Jazikowi* s. n. — Таким образом статья Г. Фишера еще более сблизила нашу Юру с Юрою Московскою и положила основание Эрцетологии Симбирской губернии.

В том же году Г. Вангенгейм Квален, проезжая в Оренбургскую губернию чрез г. Сызрань, осматривал выходы²⁶ горного известняка в берегу р. Сызрана при архиерейской мельнице. Наконец Е. П. А. К. Мейендорф, которому мы обязаны геогностическими путешествиями по России Г. Мурчисона и его спутников, изложил в сочинении своем: *Опыт Прикладной Геологии преимущественно севернаго бассейна Европейской России*²⁷ все наблюдения о полезных ископаемых, которые он сделал, путешествуя по России для

обозрения русской промышленности. Пользуясь издавна расположением Г. Автора, я сообщик ему указания на технические ископаемые вещества Симбирской Губернии, которые и помещены в сочинении отдельною статьею. Не смотря на то, что труд Барона Мейендорфа вмещает в себе, относительно Горной Статистики Европейской России, все открытия и исследования с 1768 года или со времен Палласа. *Таблица указания месторождений полезных ископаемых*, в нем помещенная, доказывает как ничтожны сведения, которые мы еще имеем по практической геогнозии большей части губерний: в этом отношении Россия стоит еще на низкой степени сравнительно с государствами Западной Европы. В заключение статьи нашей скажем, что она составит введение к другим статьям по Геогнозии Симбирской Губернии, которые мы напечатаем, если досуг позволит нам их обработать».

- ¹ Симбирские Губернские ведомости. 1851, №2 — 4. Неофициальная часть.
- ² Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1, с. 120
- ³ Полное собрание ученых путешествий по России. Т. III. Записки Лепехина, с. 123.
- ⁴ Горный журнал, 1831. Ч. I, кн. 3. С. 283.
- ⁵ Горный журнал, 1831. Ч. III, кн. 7. С. 15.
- ⁶ Горный журнал, 1832. Ч. II, кн. 5. С. 155.
- ⁷ Bulletin de la societe Geologique de France, T. III, pag. XLIX.
- ⁸ Neues Lehrbuch von Leonhard und Bronn, 1834, s.160.
- ⁹ В. II, 1832. S. 1
- ¹⁰ T.VIII. V liv. P. 303. Troisie me Serie.
- ¹¹ В 8-ю долю. 1837 г. 48 страниц.
- ¹² В 8-ю долю. 1769. С.-Пб. Изд. Академии.
- ¹³ 1837 г. № 12. С. 406.
- ¹⁴ Горный Журнал. 1841 г., № 4.
- ¹⁵ Горный Журнал. 1837 г. № 12.
- ¹⁶ Горный Журнал. 1837 г. № 12. С.425.
- ¹⁷ Горный Журнал. 1830 г. № 3. С. 298.
- ¹⁸ Russia and the Ural mountains. T. 1. Geology. T. 2. Paleontology. 1845. London.
- ¹⁹ Часть 1-я Путешествия Мурчисона переведена Г. Озерским и издана в двух томах в 8-ю, с атласом. СПб, 1849.
- ²⁰ Russia. T. 2. Paleontology. P.190. а в 1842 году академик Эйхвальд описал позвонок Ихтиозавра в Bulletin des Sciences de l'Academie de St. Petersburg 1842 г., найденный в Сызранском уезде Симбирской губернии, который он почитает первым открытым в России, и полагает что онный может быть отнесен к Ichtyosaurus Platyodon Con.
- ²¹ Bull. De la Societe Imp. Nat. De Moscou. 1853. T. XVI и в Москвитянина 1845. № 3.
- ²² Annuaire du Journal des mines de Russie. 1844. In 8. St. Pet.
- ²³ Russia. T. 1. 394
- ²⁴ Bulletin de la Classe Physico-Mathematique de l'Academie de St. Petersburg. T. V. № 18 et 19. 1846. В переводе Горн. Журн. 1847, № 1, с. 35.
- ²⁵ Bull. De la Societe. Imp. Nat. De Moscou. 1849. T. XX. Page 362.
- ²⁶ Bull. De la Societe. Imp. Nat. De Moscou. 1849. T. XX. Page 229.
- ²⁷ В 1849 году в С. Петербурге напечатан по приказанию Г. Министра Финансов.

Из книги И. Пушкирева «Историческо-географическое описание городов Симбирской губернии»

«Случалось ли вам хоть раз в жизни, во время весеннего разлития вод, плыть по Волге против течения ее, на пространстве от Саратова или Казани? Если дует ветер попутный и сильный до того, чтобы поставить паруса, вы быстро несетесь по гладкой поверхности, и едва успеваете бросать беглый взгляд на живописное положение прибрежных мест; но когда ветер стихнет, медленно скользит ваш паром, или дощаник, совершая в час не более шести верст, около однообразных берегов, весьма редко оживленных деревнями, ландшафты отдаляются и вами овладевает скука, даже грусть; но погодите немного, скоро ваше терпение вознаграждено будет прелестнейшим зрелищем девственных красот окружающей Природы. Миновав малолюдный городок Ставрополь, или место Святого Креста, бывший прежде крепостью, которую Императрица Анна Иоан-

новна повелела, в 1737 году, выстроить для пребывания Княгини Анны, супруги Таиша, бывшего владельцем Астраханской Калмыцкой Орды, кочевавшей между Уралом, Волгою и по берегам Каспийского Моря, и избравшей Ставропольский Уезд местом постоянного жительства, пред вами восстает, будто из волн, в исполнском своем образе, Девичья Гора, известная здесь под названием *Царев-Курган*, которая отвесно над самою рекою возвышается, примерно, сажень до шестидесяти. Она покрыта строевым сосновым лесом, инде кустарником, и примыкает к цепи приволжских гор, именуемых *Жегулевскими*, которые, отделившись от Уральского хребта, опоясывают Волгу на весьма значительное пространство, и изобилуют серным колчеданом, струйчатым, слоистым и прозрачным гипсом. Издали Царев-Курган обманывает путника, представляя собою фигуру неправильно усеченного корпуса, и будете только в стране, где существовал феодализм, вы, может статься, приняли бы простую игру природы за разрушенный остаток какого либо рыцарского замка. Между тамошними жителями сохранилось предание, что Петр Великий, во время войны с Персией, плыл весной 1722 года, мимо Кургана, и прельщенный дикостью места, остановился отдохнуть, оставив Императрицу у берега, сам после трудного перехода, достигнул до темя горы. Отсюда, своим орлиным взором, окинул он страну пустынную, безлюдную, долго любовался окрестностями, прислушивался к шуму вековых сосен, начертил кортиком на обломке плиты, время посещения своего, и, возвратившись к спутникам, сказал: «Сторона весьма изрядна, нужно народонаселение». — Предсказание Его сбылось: через 60 лет, веселый, довольный судьбою народ, толпами волновался у подошвы сей горы, и до сих пор с благоговением взирает на место, освященное стопами Бессмертного!... Всесокрушающее время шадит камень, на котором была сделана надпись: ни мох, ни травы не застилают его, ни бури не занесли песками, и трещин не приметно, хотя уже другое столетие пролетает над ним, и в этом длинном периоде много великолепных храмов, сооруженных суетности и тщеславию, разрушилось, не пережив даже своих основателей.

В 1824 году, Государь Император Александр I изволил посетить Царев-Курган, с высоты которой также как Великий Его предок, любовался окрестностями, хвалил живописные места, и сравнивал с виденными Им за границую.

Покинув Царев-Курган, путь ваш становится менее занимателен. Сенгилей, небольшой уездный городок, возведенный на степень сию Высочайшим о Губерниях Учреждением 27-го Декабря 1780 года, и почти скатившийся в реку, также кой-где разбросанные селения, не представляют ничего любопытного, и не смотря на выгоду, какую доставляет им физическое положение, не могут ещё стать в уровень с другими населенными по берегам Волги.

В расстоянии, с небольшим верст за семнадцать, глаз ваш падает на очаровательный ландшафт. Сначала представляется скала, как бы отделенная от общей связи прибрежных холмов, покрытых синиею пеленою туманов, которые то рассеваются, то снова слетаются и становятся густыми, непроницаемыми. По мере приближения вашего, фантазмагория исчезает, виднеется из-за роцци красивый дом владельца Киндяковки, прелестной дачи, куда летнею порою стекаются почти все окружные жители. Там наши Карамзин и Дмитриев, в юности своей, любили приветствовать весну, и почерпали первые вдохновения из чистейшего источника Природы, и там, лучшее общество находило всегда радушие хозяев, приют истинного удовольствия. Далее, блестящие главы колоколен вылетают из зелени волнующих садов. Потом выказываются красные крыши домов, и наконец, вы узнаете город: это Симбирск. Но прежде нежели войдем в город, взглянем на его прошедшее жите-бытье, и послушаем, что говорит об этом наши летописи.

Жизнь почти всех городов, расположенных на средней полосе России, именуемых низовыми, ещё весьма нова. Возводя нравственное свое начало не далее последней половины XVII века, она не отличается ни бурными переверотами времен междоусобия, ни сильным участием в делах внешней политики, и, в то время, когда пламень, пожиривший города и села сопредельные Москве, освещал следы врагов и доблести Русских, Симбирск, Пенза, Саратов и другие, окрест лежащие города, росли в тишине, и среди сильных потрясений не были тревожимы грозными пришельцами. Даже название городов присвоено им весьма недавно, а некоторые из них числились форпостами, что можете видеть на карте, составленной при Борисе Годунове, которая была выгравирована, в 1614 году, Герардом, и поднесена, Михаилу Федоровичу. Просвещение также поздно озарило этот край, а потому, в наших архивах мало уцелело материалов, которые достаточно бы объясняли первоначальную жизнь низовых городов.

Так точно и первобытное состояние Симбирска совершенно неизвестно. Предание говорит, что Черемисы и Мордва, обитавшие на луговой стороне, ежегодно осенью перебирались на западный берег Волги, для

рыбной ловли, и на том месте, на котором раскинута нижняя часть Симбирска, и откуда донныне видно довольно широкое плесо, простирающееся версты на две, эти промышленники, чтобы укрыться от ненастной погоды, ставили лодки свои вместо шалашей, утвердив на подпорах. После, как ловля шла удачно, рыбаки расставляли по реке езы, или городьбу, беспрестанно бросали невода, и мало помалу обогащаясь, заводили мытные дворы, а добытую рыбу отправляли зимним путем по селениям, отдаленным от Волги. Сведая о таком приволье, окружные жители спешили подражать примеру рыбаков, и число переселенцев значительно увеличилось, так, что в 1642 году, боярин и Оружейничий Богдан Матвеевич Хитрово, посетив эту сторону, нашел тут довольно многолюдное и богатое селение.

Кроме того, особенное внимание Хитрово обращалось на равнины, лежащие за рекою Свиягою, и остававшиеся невозделанными. Грунт земли чернозем, по качеству своему лучший, мог бы сторицею вознаграждать труды поселянина и снабжать другие, менее хлебодные губернии. Нужно было только тщательное обработание пустошей, при большем народонаселении. Пользуясь доверенностью Царя Михаила Федоровичу, и заслужить уважение соотечественников умом, просвещенным науками и познаниями, в технических искусствах, Хитрово предположил основать город на западном берегу Волги, для чего составил проект, к сожалению, затерянный для потомства, и поехал ко Двору в Москву. Здесь, с давнего времени, помышляли об устройстве приволжской стороны, но смутные обстоятельства, в которых находилась тогда Россия, не позволяли Царю заняться исключительно сим предметом. С 1625 года наше, отечество мало по малу начало отдыхать от бранной тревоги, показались зародыши наук, ремесел, художеств, установилась политическая самобытность государства, и потребность размножения городов сделалась главной целью Правительства, залогом прочного благосостояния граждан. В эту самую эпоху благодетельного переворота, явился Хитрово ко Двору с своим проектом основания Симбирска, и можно судить, с каким удовольствием было принято его предложение. Немедленно назначены были для городского дела, из окрестных поселений, посошные люди из Русских крестьян, с пяти дворов, а из ясачных с трех по человеку, и под главным наблюдением Хитрово, на возвышенном берегу Волги, на пространстве, где ныне находится Симбирск, под $54^{\circ} 18' 49''$ северной широты, и $66^{\circ} 5' 10''$ восточной долготы, окончен был строением, в 7156 (1648) году, городок Симбирск, род небольшой крепости, обнесенной рвом и деревянною стеною, однако ж без хорошей планировки места и понятия о фортификации, и наружным фасадом сходствовавшей с теми крепостями, какие казаки в XV веке строили от устья Аксая до нынешней Воронежской Губернии, для безопасности от набегов Татар.

В том же 1648 году, начали выводить земляной вал и устраивать укрепления (*осторожные тыны*), дабы оградить места сии также от набегов Татар. Шесть лет постоянно производилась работа, и в каждое лето работало от 3326 до 4898 человек; наконец, в 1654 году, вал был кончен, обведен глубоким рвом, и семь небольших деревянных крепостей расставленных на этой линии, названы Юшанск, Тагай, Карсунь, Урень, Погорелой, Аргаши и Сурск. — Этот вал простирался тогда от Симбирска до реки Суры и далее до Воронежской Губернии, и представлялось одно из лучших укреплений тогдашнего времени в сем краю России, почему тщательно был берегаем даже до начала XVIII века. Но после, когда в мудрое царствование Петра I-го и преемников его, все кочевавшие Татарские орды присоединились к России, основали свою оседлость и слились в единое целое, надобность поддерживать укрепления внутри России миновалась, и Симбирский вал, плод величайших трудов, был оставлен; лишенный всех прежних крепостей, он сохранил следы свои донныне только верст на пять за городом. Плут земледельца уравнивает военную ограду с мирною землею, особенно смотря от Суры в западную сторону, и как бы на память о прошедшем, цветущие селения присвоили себе имена исчезнувших крепостей.

Число переселенцев в новый городок, в первые пятьдесят лет от основания, было весьма незначительно. Окрестные жители, по большей части Татары, Мордва и Чуваши, люди, не имевшие ни малейшего понятия о гражданской жизни, и сильно привязанные к степям и лесам, в которых предки их производили звериную ловлю, расставались неохотно со своими старыми жилищами, не смотря на изобилие, какое сулила им перемещение места жительства. От того Симбирск в начале прошедшего столетия походил более на бедную деревушку, чем на город. На скате горы к Волге находилась куча безобразных изб, отделявшихся одна от другой шаткими плетнями; венец, или нагорная часть, была пустая равнина, простиравшаяся до реки Свияги; от берегов её начинался густой лес, в котором Мордва, Бортники и другие крестьяне, принадлежавшие к дворцовым селениям Алатырского, Арзамаского уездов, Наровчатского городища и проч., избегая платежа повинностей, укрывались и заводили притоны. Для отыскания и обращения в прежнее ведомство беглецов,

час от часу умножавшихся, 22 апреля 1697 года, отправлены были стольники Готовцев и Скрябин, объехавшие с той же целью Курмыш, Самару и Сызрань.

В 1708 году, когда *Петр Великий*, созидавая основу благосостояния нашего отечества, разделил всю Великороссию на восемь Губерний: Московскую, Ингерманландскую, Киевскую, Смоленскую, Архангелогородскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую. Симбирск, в числе 36 разных городов, был приписан к Казанской Губернии, и десять пригородов: Белой Яр, Ярыклинск, Тагаев, Яшанск, Уренск, Корсунь, Малый Корсунов, Аргаш, Тальской и Сурской, причислены к нему. Тогда все дела суда и расправы поступили в ведение Казанского Дворца. С 1717 года, Симбирск отделили к Астрахани, которая назначена особою губернию, и спустя около двух лет (19-го Июня 1719) определен Симбирским Воеводою Иван Васильевич Кикин, с повелением состоять под начальством Астраханского Губернатора, Полковника Вольнского.

С сего времени, Симбирск приметно стал возрастать многолюдством, промышленностью и, может быть, скоро сравнялся бы с богатыми своими собратьями, низовыми городами, ежели бы только внешние дела не развлекали внимания его благодетеля, Царя. Едва кончив борьбу с северным великаном, Петр I принужден был снова поднять меч на поражение кичливых соседей, Турции и Персии. Однако же, среди битв и трудов бивуачной жизни, Государь не переставал заботиться о внутреннем устройстве любимой им России; под свистом пуль, окруженный всеми ужасами смерти, он рассматривал планы новым городам и придумывал средства к умножению государственных доходов, обогащению своих подданных: чего бы нельзя ожидать в эту важную эпоху? — Только ранняя смерть могла прервать исполинские замыслы Преобразователя! Много осталось после него постановлений и благодетельных предначертаний, исполнением которых не в состоянии были заняться преемники его, отвлекаемые или частными войнами, или обстоятельствами, менее благоприятными нашему отечеству. Но Провидение, казалось, предопределило, чтобы начатое Великим, было довершено Великою: на престол Всероссийский вступила Екатерина II.

Развивая идею бессмертного своего Предшественника, она повелела, в 1766 году, созвать депутатов со всей Империи, дабы познать нужды и недостатки каждого уезда по его положению, и новым Уложением даровать народу жизнь лучшую, и пресечь различные злоупотребления, вкравшиеся издавна в отправлении правосудия. Не смотря на шестилетнее продолжение войны, объявленной Турцией с 1768 года, попечение Екатерины увенчалось желаемым успехом. 7-го Ноября 1775 года, явилось Учреждение об управлении губерниями, плод величайшего ума, глубоких соображений, и столь же драгоценный памятник, как Воинский Устав Петра I и Свод Законов Николая I.

На основании сего учреждения, в Декабре месяце 1780 года, Генерал-Поручиком Князем Мещерским, исправлявшим тогда должность Казанского Генерал-губернатора, открыто Симбирское Наместничество, и Симбирск назначен губернским городом, с причислением к нему тринадцати уездов: Симбирского, Сенгилеевского, Ставропольского, Самарского, Сызранского, Канадейского, Тагайского, Корсунского, Котляговского, Алатырского, Ардатовского, на реке Алатыре, Курмышского и Буинского. В состав губернии поступили крестьяне: из пяти уездов Симбирской 249860, из четырех Казанской 24520, из четырех Пензенской 18300, и из двух Нижегородской Губернии 1400 душ, взамен чего перешли к Нижегородской и Пензенской Губерниям от трех уездов Симбирской 6550 душ; немедленно приступили и к постановлению границ с соседственными губерниями. В том же году утвержден прежний герб Симбирска, изображающий в синем поле, на белом столбе, золотую корону.

Но это положение губернии, смотря по обстоятельствам, изменялось не однократно. В 1798 году, по упразднении Пензенской Губернии, отошли к Симбирской три города: Саранск, Шешкеев и Инсар, с уездами; затем Сенгилей, Ардатов и Шешкеев были уничтожены, и уже в благословенное царствование Александра I, Симбирская Губерния получила настоящее образование. Теперь она делится на десять уездов: Симбирский, Сенгилеевский, Ставропольский, Самарский, Сызранский, Корсунский, Алатырский, Ардатовский, Курмышский и Буинский.

Достигнув, с 1780 года, некоторой самостоятельности, Симбирск начал постепенно распространяться и украшаться зданиями. Купец Пустынников первый выстроил на нагорной части города каменный дом, по фасаду и плану прожектированным искусным архитектором в Москве. Пример его сильно подействовал на тамошних жителей, которые, из доброй воли, без малейшего принуждения местного начальства, мало по малу перебирались на *венец*, и строили деревянные красивые домики. Вскоре усердием зажиточных людей воздвигнулись храмы; зачатки образованности, промышленности развивались быстро; народонаселение ум-

ножалось; усиливались способы для обогащения, и облагодетельствованный своими Монархами, Симбирск постепенно восходит на прочную степень общественного благосостояния.

Ныне (в начале 1836 года) в Симбирске находится церквей Греко-российских: соборных 2, приходских 11, кладбищных 1, в монастырях 2, монастырей 2, из коих 1 мужской и 1 девичий, все каменные. Весьма хороший каменный гостиный двор, оконченный в 1835 году. Домов казенных 14, церковных 2, монастырских 4, общественных 2, обывательских 44, каменных и деревянных: общественных 2, и обывательских 1204, и того 1270 домов. Площадей 3, которые не вымощены. Сад публичный при заведении Приказа Общественного Призрения; садов, частным лицам принадлежащих, 90; огородов 750; улиц и переулков 45, и мостов, через реку Свиягу 1, на оврагах 6. — Всего земли, занимаемой городом и садами в городской черте, до 1137673 квадратных сажен.

Народонаселение к 1836 году состояло из 9226 мужского и 7777 женского пола, в числе коих: духовенства: черного 218, белого 139; служащих: военных штаба и обер-офицеров 29, гражданского ведомства 141; разночинцев 145; купечества 133; мещан, крестьян и прочего сословия, платящих подати, 7941, итого жителей обоих полов 17003 души.

Но, судя по народонаселению, учебных заведений еще немного: в 1835 году обучалось юношества в двух духовных училищах 352, в трех светских казенных и пансионе, при Гимназии учрежденном, 297, и того 649 человек мужского пола; в Доме Трудолюбия 20 девиц, бедных, благородных сирот, которые обогащаются здесь всеми сведениями, полезными для семейной жизни, и под благотворным кровом сердобольной своей Матери, Государыни Императрицы, благословляют жребий свой. — Светские заведения находятся под управлением Казанского Университета, и год от году становятся важнее в системе общественного воспитания, а потому всякий, кому близка по сердцу родина, радуется, что выбор наставников, достойных по способностям, ревностных в исполнении столь важной обязанности, и внушения, основанные на любви к Богу, Царю и отчизне, вполне соответствует тем благодетельным попечениям, которые изливает на нас мудрый Венценосец.

Подъезжая к Симбирску с Саратовского тракта, вы увидите на правой стороне публичный сад, церковь во имя Св. Благоверного Князя Александра Невского, и красивое строение Александровской Больницы, к которой дружно примкнулись здешние благотворительные заведения: городская больница и дома: умалишенных, неимущих и воспитательный, в которых в течение 1835 года, призрено было 3182 человека обоих полов. Желаете ли вы познакомиться с городом, и увериться в благородных наклонностях тамошнего почтенного сословия дворян, — войдите в Александровскую Больницу, и полюбовавшись чистотою, опрятностью и тщательным надзором за больными, спросите, хоть инвалида прислужника, об основателе заведения. Он вам скажет: «Этот храм соорудило Симбирское дворянство; эта больница поставлена Симбирским дворянством; этих бедных болящих приютило и врачует Симбирское дворянство, во славу того, чья душа была надежнейшим приютом страждущего человечества — Александра Благословенного!»

Кроме лазарета, учрежденного для гарнизонных чинов, в Симбирске не было до 1804 года другой больницы, от чего недостаточные жители, особенно низших сословий, лишенные хороших медицинских пособий, прибегали к простым средствам врачевания, и полагаясь на искусство *знахарей*, очень редко получали исцеление. Раз (кажется зимой 1800 года) большая часть окружных Симбирских помещиков собрались на одно из общественных собраний для обсуждения дворянских дел. В это время, должность Губернского Предводителя занимал покойный Действительный Статский Советник Александр Федорович Ермолов, человек истинно благородный и совершенно достойный той любви и уважения, какие оказывало ему дворянство. Когда присутствие кончилось, Александр Федорович обратил разговор на недостаток в Симбирске лекарей, и на происходящий от того вред народонаселению. Все присутствовавшие, увлеченные простым, но живым и пламенным его рассказом, положили единодушно помочь горю, и просили мнения. — «Друзья мои! Сказал Ермолов, мы богаты, владеем обширными поместьями, чего нам стоит отделить хотя малейшую часть нашего достояния, дабы положить на алтарь отечества богатую жертву? Нужно ли напоминать вам, продолжал он, указывая на портрет Александра I, о том, что эта жертва священный наш долг! Вот наш Царь отец; сделаемся достойными его детьми, соберем деньги, устроим больницу, освятим ее именем того, который от юности своей посвятил себя на благо нашей отчизны, и наши потомки станут гордиться делами отцов своих!» — Мог ли кто противоречить? — В несколько дней, по подписке, собрана была значительная сумма, и начальник губернии вызвался исходатайствовать Всемилоштивейшее соизволение на основание больницы.

Милосердный Монарх внял сему прошению... При тщательном наблюдении Симбирского Губернатора, Князя Хованского, трудами и попечениями Смотрителя Богоугодных Заведений, Надворного Советника Пушкарева, церковь и больница были окончены в три года, и с 30-го Августа 1805 года по 1836, призрено в ней больных, средним числом, до 14 500 человек.

Теперь желал бы я упомянуть обо всех благотворительных поступках Симбирского дворянства, и обрисовать длинную перспективу дел прекрасных, поучительных, но опасаясь выйти из рамки этой статьи, скажу кратко, что нельзя сосчитать всех пожертвований, всех семейств, которых существование и нужды обеспечивались сострадательностью Симбирского дворянства. Некогда Симбирск был центром, к которому стекались богатые помещики, даже из дальних губерний, пожить и повеселиться на праздниках зимы. Балы, маскарады, собрания, беспрестанно сменялись один другим; радушие и дружба неподдельные кипели шумною рекою; денег было вдоволь; но в самом разгаре шумных пирований, весельчачи не забывали своих ближних, и редкий пир оканчивался без того, чтобы содержание какого-нибудь бедного семейства не улучшилось новым сбором. — Так, в Симбирске, пировали дворяне лет за 20 и более назад.

Озаренные блеском своих венценосных Благодетелей, Симбирские дворяне оставили здесь много памятников, напоминающих о благотворительности и любви их к человечеству. Из заведений, основанных в последнее двадцати пятилетие, особенное внимание каждого посетителя Симбирска и искреннюю признательность соотечественников заслуживают: *Общество Христианского Милосердия*, с *Домом Трудолюбия*; *Пансион для воспитания детей беднейших дворян*, а также и *Собор во имя Пресвятыя Троицы*, сооруженный в память благополучно оконченной войны 1812 года.

Общество Христианского Милосердия действует двояко, обеспечивая нужды бедных или единовременным, или постоянным пособием. В 1835 году воспользовалось покровительством Общества 50 семейств, из которых 42 получили единовременное, а 8 постоянное вспоможение. — Ныне капитал Общества, простиравшийся в 1836 году до 10,166 р. 10 к., по Высочайшему повелению Ея Императорского Величества, слит с суммами Дома Трудолюбия.

В 1835 году, в *Доме Трудолюбия* находилось пенсионерок Государыни Императрицы 2, на иждивении благотворителей 6, и штатных воспитанниц 12; при них надзирательница 1, помощница 1, из девиц, тут же воспитывавшихся; учителей 7, врач 1, письмоводитель 1 и прислуги 4, всего 35 человек; выпущены 2 пенсионерки Ея Величества, которых вакансии замещены другими. — Постоянное попечение Совета Общества Милосердия более и более улучшает это истинно полезное заведение. Опыт трудов воспитанниц в изделиях, поднесенный в прошедшем году Государыне Императрице, удостоился Всемиловитейшего одобрения, и вознагражден 600 рублями от Ея Величества пожалованными. В минувшем году, капитал Общества и Дома Трудолюбия заключался в 84422 р. 21 к. Это заведение помещается в собственно ему принадлежащем, красивом деревянном домике на Покровской улице.

Не более семи лет устроен в Симбирске *Пансион для воспитания бедного благородного юношества*: польза предприятия сего оправдывается хорошим успехом. Первоначально поступило в пансион на содержание только до 10 человек, но едва дворянство удостоверилось в прочности существования заведения, богатые помещики спешили вручать под надзор пансионного начальства своих детей, и внося плату, умножали средства усовершенствования. Но сколько это заведение основанием своим обязано дворянству, столько доведением хозяйственной части до настоящего положения, и начертанием правил к укоренению добродетелей в сердцах юных питомцев, одолжено бывшему Губернскому Предводителю, Князю Михайлу Петровичу Баратаеву, вполне достойному приемнику Ермолова.

После прогулки по широким правильным, в Английском вкусе расположенным аллеям Александровского Сада, столь же длинным и тенистым, как аллеи Петербургского Летнего Сада, приятно отправиться в город, и бросить хоть беглый взгляд на его здания.

Влево от сада, показываются купола Покровского мужского монастыря, стоящего близ реки Свияги. Прежде, (до 1796 года) этот монастырь находился на берегу Волги; но рыхлый грунт земли, угрожавший строению разрушением, заставил местное начальство перенести отсюда монастырь на нынешнее место. Каменная, довольно толстая и вышиною аршин до 4-х стена, окружает церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы и монастырские келии, на расстоянии более 300 сажень. Войдя в главные ворота, вы увидите на обеих сторонах проспекта кладбище, с мраморными и очень роскошными монументами, особенно на правой. Внутренность храма, не отличающаяся ни богатством ризницы, ни искусством зодчего, подобно всем старин-

ным церквам, еще недавно разделялась на две части; в первой отправлялось богослужение в течении осеннего и зимнего холодного времени, откуда, при священнодействии в заутреннюю Воскресения Христова, переходили во второй отдел. Теперь теплая и холодная церкви соединены вместе. На западной стороне, против храма, выстроены в полукружии деревянные келии, а немного поодаль, обитель бывшего Архимандрита, обращенная в жилище Архиепископа, со времени отдаления монастыря от Казанской Епархии, и по случаю открытия особой, Симбирской и Сызранской.

Спасский девичий монастырь занимает внутри города весьма значительное пространство. Высокие стены его образуют собой правильный параллелограмм, на углах которого утверждены круглые башенки, с крестами на главах. Ни одно из частных городских строений не примыкает к монастырю, кроме собственных его домов, которые, будто втиснуты снаружи в левую стену, ни на сколько не смеют переступить за общую черту, если смотреть в профиль. — В монастыре находится, во имя Спасителя, празднуемого 6-го Августа, две церкви, одна холодная, другая зимняя, отдельно, и обе очень обширные. Келии, больше каменные, расположенные квадратно, и отнесены к самой стене, от чего вокруг церквей осталось открытое место, род площади. Главные врата, с железною извне решеткою, отворяются только на время крестных ходов.

Православие раскинуло здесь широко свои ветви, в чем с радостью убеждаетесь беспрестанно являющимися на пути вашем церквами, резко означающими тот век, в котором были созидаемы.

Старинный ли предрассудок, что деревянные дома удобны для человеческой жизни, или недостаточное состояние жителей, причиною того, что в Симбирске каменных домов частных людей весьма немного, большая часть казенные и общественные. Дом, предназначенный для помещения губернатора, и трижды выдавший в себе Высочайших Посетителей, находится на лучшем месте в городе — соборной площади. В ясную погоду, с балкона этого дома, без помощи телескопа, явственно различаете прелестные окрестности города, Киндяковскую рошу, жилище ее владельца, и селения, лежащие на том берегу Волги.

В нескольких шагах от губернского дома расположены хорошие здания: Губернская Гимназия, Благородный Пансион, Ратуша, батальон военных кантонистов и присутственные места, в которых помещаются правление, все палаты и суды, что весьма облегчает просителей в отыскании потребных мест. Два раза они были совершенно уничтожаемы пожарами, и снова возникали в гораздо лучшем виде по наружности.

Правильностью протяжения и красивым строением, превосходят пред прочими улицами Московская и Саратовская (Сенная). Первая, начинаясь от Свияги, и кончаясь венцом, проведена через весь город; вторая, пересекаемая всеми улицами, похожа больше на длинную площадь, разделяющую город на две части; здесь ежегодно бывают катание на маслянице и ярмарки, 8-го Июля, Казанская, и в первую неделю Великого Поста, Сборная.

Не во многих городах России найдете вы такую очаровательную картину, какая представляется с Венца. Венцом называют здешние жители ту крайнюю к Волге возвышенность горы, которою граничит новый, или верхний город с старым, растилающимся у подошвы ее. Склон горы покрыт садами, между коих проглядываются красивенькие домики, и извиваются излучистые дорожки, ведущие к берегу. С закатом солнца, в тихий весенний вечер, приятно провесит свободный час на Венце: едва смеркнется, ароматный запах яблонь и лип разливается в воздухе, наступает безмолвие, окрестность дремлет; огоньки внизу, на островах, то мелькнут, то исчезнут; порою даже слышно, как весла рыбака рассекают сонные волны, но когда раздастся вдалеке заунывный напев: *Вниз по матушке по Волге*, сердце зрителя наполняется безотчетным восторгом, и в это мгновение тяжело будет расстаться с настоящим положением!

Климат в Симбирске умеренный; редко случается, чтобы мороз доходил до 24°, и жар превышал 19° по Реомюрову термометру. Самое приятное и благодетельное для плодов время продолжается с Апреля по Сентябрь месяц. Возвышенное местоположение, чистый воздух, предохраняют жителей от эпидемических болезней, и в тот год, как холера свирепствовала в ближних уездах, Симбирск уцелел от губительных ее поражений.

Резкими, привлекательными чертами лица, высоким, стройным ростом, русыми волосами, приветливостью, радушием и деятельностью, коренные жители Симбирска напоминают древних Славян, и отличаются от обитателей южного края России, угрюмых, ленивых, молчаливых потомков Половцев, Черкесов и Черных Клобуков. Наречие горожан общепринятое, разве только слова *базар*, *шабр*, *айда*, и проч., отзываются еще Татарским владычеством. В глаголах действительных и средних, оканчивающихся настоящего времени в третьем лице на *есть*, с предыдущею гласною буквою, буква *е* обыкновенно скрадывается. — Однако ж в

произношении слов вы не услышите ни тяжелого удара Нижегородца на о, ни смешного и странного изменения Вятчанином буквы а в я. — Одежда низшего сословия та же самая, какую носят в столицах мещане и торгующие крестьяне. Предрассудки и суеверия язычества между простонародьем истребились вовсе; но празднование *Лады* в день Ивана Купалы, и *Семик*, заключающиеся ныне в обыкновенных гуляньях за городом, без каких либо особенных обрядов, свидетельствуют о том, что и здесь в старину совершаемы были приношения Друидам.

Благотворному попечению Правительства, особенно в последнее десятилетие, Симбирск обязан усилением и развитием своей промышленности, который главный предмет состоит в торговле хлебом. С Ноября по Март месяц, в торговые дни и у окружных помещиков, скупают промышленники хлеб, грузят на суда, и весною, лишь вскрыется Волга, сплавляют к пристаням Нижегородской, Рыбинской и в Астрахань. В 1835 году отправлено было отсюда до 100000 четвертей, и обороты купцов простирались на 1500000 рублей. Также довольно значителен привоз товаров, которых в 1835 году на двух ярмарках, Сборной и Казанской, имелось на 4100000 рублей. — Судя по выгоде физического положения Симбирска, и наклонности жителей к торговле, час от часу возрастающей, можно, наверное, предположить, что скоро откроется здесь источник истинного народного богатства, и самый город станет наряду с другими наиболее цветущими торговыми городами нашего отечества.

Всемиловейшее дарование Симбирску с 1837 года, десятилетняя льгота на платеж Гильдейских повинностей и подушной подати, привлечет на жительство сюда новых поселенцев, и служить вернейшим ручательством о будущем состоянии Симбирска. (...)

Чтобы судить о настоящем положении Симбирской Губернии, неизлишними, полагаю, будут сведения о пространстве и народонаселении ее, состоящем из Русских, Мордвы, Чуваш и Татар.

Земли занимаемой всею губернией, полагается до 1141 квадратных миль. Жителей по 8-ой ревизии 1 198 576 душ, из числа которых:

Крестьян государственных.....	247167
Крестьян удельных.....	39840
Однодворцев.....	4601
Свободных хлебопашцев.....	672
Крестьян помещичьих.....	264851
Купцов.....	2008
Мещан и цеховых.....	12755

Из этого видно, что на каждую милю причитается до 1050 душ.

Главнейшие произведения в Симбирской Губернии: хлеб ржаной и яровой, яблоки и разные огородные овощи, в небольшом количестве лен и пенька. Лес строевой обыкновенно сосновый; в Сурских дачах весьма много находится дубового, годного для кораблестроения; мелом, известью и алебастром снабжают прочие губернии.

Изобильным хлебородием отличаются уезды: Сенгилевский, Ставропольский, Самарский и Сызранский. Здесь солончаков и мест вовсе неудобных для хлебопашества встречается меньше, чем в других уездах, и почва земли такова, что при небольшом даже удабривании, вознаграждает щедро труд земледельца. В последнее пятилетие, за исключением неурожайных, 1832 и 1833 годов, урожай хлеба простирался (принимая в среднем значении), ржаного, *сам-девять* и ярового *сам-семь*. От того цены на хлеб существуют умеренные, и весьма способствуют к выгодному заготовлению хлеба по подрядам с казною».

Невоструев К.И.

Исследование о Симбирском городище ¹

«Симбирское городище находилось не на правой стороне Волги, а на левой, верст 13 ниже нынешнего гор. Симбирска, в Самарской губернии, между селами Красным Яром и Кайбелюю. В писцовых книгах Казанского уезда Ивана Болдина 7111 (1603) года, хранящихся в Московской межевой канцелярии под № 33, на л. 55 об., так описывает один татарский бортный ухажей, данный еще в 1597 г.: «за князь Яковом (ново крещенным) по выписи с казанской дачи 105 (1597) года, что было за отцом его, бортной ухажей и бобровые гоны, и рыбные ловли за рекою Камою и по реке Волге на Нагайкой стороне по Самарской дороге, ниже Тетюш, по Майне реке Алтыбаевский дуг, по речке Урень, по вершине, да к малому бору, а от малого бору по верхней бор и дубровник и по Волге реке, а по Волге реке вниз от Майнского устья, нижняя межа по Красной Яр, повыше Симбирского городища. Следовательно, самое городище было несколько ниже Красного Яра. Дети этого ново крещеного князя Якова Асанова, казанцы князь Степан и князь Яким Асановы, в 7189 (1681) году продали казанцу же Федорову Зеленому эту родовую свою вотчину от Майнского устья по Красной Яр и по Симбирское городище, рыбные ловли и бобровые гоны» и проч., и Зеленый, очищая ее от посторонних вступщиков, просил из Казани выписи на ее из писцовых книг, какова и дана ему из Казани с означенных писцовых книг Болтина в таких самых словах о Симбирском городище, которую мы привели выше. Олеарий, ученый голштинiec, путешествовавший по России в царствование Михаила Федоровича 1636 г. и тщательно описавшей вид им местности, плыл от нас в Персию Волгою. В описании сего пути он говорит, что лежащая на правой стороне Волги Симбирская, гора получила свое имя от прежде бывшего города; разоренного Тамерланом, но на карте самую эту гору полагает не на правой, а на левой стороне Волги, ниже Ботырки, в том именно месте, — где по писцовым книгам Болтина, значится Симбирское городище. У Олеария при этом; на карте сделан такой вид, что оный можно принять за очертание оставшихся еще зданий Симбирской крепости. Замечательно еще, что лет через 30 после Олеария, именно в 1668 году, путешествовавший по Волге голландец Стрейс эту Симбирскую гору прямо указывает на левой стороне Волги. Он говорит: из Казани продолжая плавание вниз, прошли мы 23 мили мимо развалин городов, разоренных Тамерланом; Симбирской горы, лежащей на левом берегу Волги, и Арбухима стоявшего некогда на горе сего имени, 29 прибыли к горе, у которой жители занимались добыванием соли; таким образом, под именем Симбирской горы здесь разумеется, лежащая за селом Крестовое городище утесистая гора, упирающаяся в Волгу, о которой говорит Паллас, что на ней было городище Симбирское; Арбухим город находился в так называемой от него впоследствии Арбутинской волости, близ города Сенгиля. Лежащая за тем гора, жители коей занимались добыванием соли, есть известное ныне; на правой стороне Волги село Усолье. Вслед за Симбирским городищем упоминал и Олеарий о бывшем город Арбухим на горе сего имени на правом берегу Волги. На карте Витзена, конца XVII в., но составленной по древним картам, как Симбирская гора, так и город показаны на левой стороне Волги, а ранее сего у Клувера (Phil. Cluveri Introductio in universam Geographiam) и Витта (Tabulae Russiae vulgo Moscovitae) вместо этого здесь или вблизи показана Sepultura celeberrima — знаменитейшая могила.

Симбирск, основанный по татарской летописи, как мы слышали, одним знатным булгарским князем, от коего и получил свое имя, в древние времена был важный город Волжских Булгар, главный в особенной области этого царства, по нему названной Симбирскою. Шереф-эддин, булгарский писатель, живший в первой половине XVI в. и написавший краткую булгарскую летопись, вот что, между прочим, говорить в ней о распространении магометанства в Булгарском, царстве: «В ауле Терберды-Чалли был из Булгар Идрис сын Зуль-Мугаммедов. Он отправился в Яркенд (город в Бухарии — К.Н.), поступив послушником к шейху Гидаеть Улле, и 15 лет учился там магометанским уставам и созерцанию. Потом, после кончины судия Иш-Мугамеда, Идрис сей был послан на место его в город Булгар, Тубулгу и в области Уфимскую, Казанскую и Симбирскую (по татарски — Синбир), чтобы учить созерцанию». Время этого Идриса пропагандиста определяется тем, что учитель его Гидает Мулла, как говорится выше, сам был послушником Хаджи Ахмата Есевия, жившего по татарским сказаниям во второй половине XIV в. и сльвущего в средней Азии одним из величайших святых, над которым каменную мечеть в городе Туркестан построил сам Темир Аксак, или известный Тамерлан. С другой стороны, как говорится ниже, ученик Идриса шейх Касим, сын Ибрагимова, был из новой уже Казани и сделался его наместником. А новая Казань, как известно, образовалась около

1445 года вместо прежнего города старой Казани. По сим соображениям проповедь Идриса в Симбирской области надобно относить к началу XV столетия. Наши ориенталисты, заметим мимоходом, Сенковский и Григорьев, смешивают Симбирск с другим знатным городом болгарским — Сивар, в коем били и монету. Об этом Сиваре говорит Якут, что он в отношении к городу Буртасу, лежавшему к северу от земли Хазарской, находился на западе и имел две мечети, простую и соборную. Город Буртас, по сему свидетельству Якута, надобно положить в нынешней Саратовской губернии по правую сторону Волги (в чем согласен и Сенковский), а Сивар прямо против него — на западе в той же или Тамбовской, Воронежской губерниях; между тем Симбирск находится совсем в другой — северной стороне, что чувствовал и сам Сенковский. С другой стороны смешивать Сивар с Симбирском, допуская, что так собственно назывался Симбирск, не позволяет прямое название его у Шереф-Эддина Симбирском, а не каким-нибудь Сиваром.

Что древний болгарский или казанский Симбирск существовал ниже нынешнего Симбирска верст 13 на левой стороне Волги близ села Крестового-Городища и Кайбелы, на это есть и другие доказательства. И Симбирск и Кайбела — имена татарские. В одной из грамот Симбирской провинции, хранящихся в архиве Симбирской гражданской палаты, данной в сентябре 190 (1681) года, между прочим, пишется: «а есть де в Синбирском уезде на луговой стороне ниже Красного Яра на речке на Кайбуле городище, по обе стороны Кайбулы речки до Волги реки». В 1767 году П. Рычков в своей Казанской истории писал: сверх других городищ недалеко от Синбирска на луговой стороне Волги близ села, называемого Крестовым Городищем, по уверению генерала-майора Брахфельдта, есть знаки бывших тут многих каменных строений, земляной вал и рвы поныне еще видимы. Вслед за Рычковым Паллас в своем путешествии по России говорит: к Красному Яру продолжали мы путь свой накось по Волге, но как по чрезвычайной вышине левого берега в семи местах подняться на оный невозможно было, то ехали мы еще 5 верст далее до стоящей на низком месте деревни Крестовое Городище, поименованной по старинному окопу, который в южной стороне от деревни находится на простирающейся вдоль реки, а к северу и востоку увесистой горы. Городище названо Крестовым уже впоследствии русскими, как говорят старожилы, от крестообразного взаимного пересечения здесь двух истоков Волги. Это видно и из отводных книг Арбугинским крестьянам в 1670 году: «от Бельскова озера по мирские Синбирские воды, по прорву и по вышку и по озера и воложки, Застенная и Кайбелина, и озера, что под Красным Яром, и исток, что под Крестовым Городищем, и те воды им отведены». К югу за селом Крестовое Городище доселе виден вал, и другой от востока к западу, упирающийся обоими концами в крутояры. В 1851 году неподалеку от этого места при селе Кайбеле рыбаки нашли в Волге весьма древнюю, хорошей работы, золотую цепь с бляхою, которая, как мы достоверно знаем от симбирских очевидцев, украшена была мумиею; зернами и двумя золотыми подвесками. Она представлена была покойному Государю Императору Николаю Павловичу, и Его Величество, наградив поднесшего деньгами и золотыми часами, приказал самую цепь хранить в Московской Оружейной Палате, где она под именем Булгарской гривны заняла одно из первых мест между редкостями палаты. (...) Такая находка, если принадлежала близ находящемуся Симбирскому городищу, также свидетельствовала о богатстве и важности этого места».

Из письма Невоструева Языкову А.М. 20 мая 1864 г.

«Могу указать Вам по справке с моими записками и по памяти, источники для истории Симбирской губернии: 1. Письменные акты Симбирских присутственных мест, именно:

а) В Архиве Гражданской Палаты стрелецкие книги Симбирские, Сызранские, Карсунские и Курмышские; грамоты Симбирской провинции и Алатырския, собственно, поместные, также отказанные на поместья книги, начатые с 1672 г. Много тех и других находится в подлиннике на свитках и тетрадях, довольно и в списках, так называемых старых делах и новых тяжбных и апелляционных делах. По этим документам можно определить древнюю топографию губернии и историю населения местностей.

Довольно любопытных и исторических сведений можно найти и в крепостных книгах, начинающихся с 1701 г. В том же, кажется, архиве есть дельное топографическое (историко — статистическое) описание Симбирской губернии, кем — то составленное в 1780 — х годах.

б) В архиве Казенной палаты есть расходная книга (без начала) о выдаче жалования казакам и стрельцам при водворении их в Симбирске и окрестностях в 7157 г. (1649 г.). Есть подобные старые книги